

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ПОСЛЕДНЕЕ
ДЕЛО
МОЛОДОГО
КИЛЛЕРА

ДЕТЕКТИВ
ПО НОВЫМ
ПРАВИЛАМ

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

Детектив по новым правилам (АСТ)

Лариса Соболева

Последнее дело молодого киллера

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соболева Л.

Последнее дело молодого киллера / Л. Соболева — «АСТ»,
2018 — (Детектив по новым правилам (АСТ))

ISBN 978-5-17-104197-7

Дар Осокин, киллер со стажем, выполняя задание, сталкивается на заранее облюбованной им крыше с молодым коллегой. Перед тем как устранить конкурента, Дар выясняет, что тому заказали молодую женщину и подростка. Видавший виды Осокин в шоке: неужели мир окончательно свихнулся, если охота пошла на детей?! И профессиональный убийца принимает неожиданное решение: спрятать в своей берлоге обреченных на верную смерть и узнать, кому и зачем не терпится стереть с лица земли рыжую девушку с хвостиками и одиннадцатилетнего мальчишку... Книга также издавалась под названием «Лицензия для Робин Гуда».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104197-7

© Соболева Л., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

1	7
2	11
3	16
4	24
5	30
6	35
7	41
8	48
9	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Лариса Соболева

Последнее дело молодого киллера

© Л. Соболева
ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Лариса Соболева – одна из лучших российских писательниц. Признанный мастер триллера и авантюрного детектива. Утверждает, что все свои сюжеты черпает из жизни. Уверена, что все лучшее еще впереди.

1

Приходит киллер на рабочее место, а оно занято. Немного похоже на анекдот из серии черного юмора...

Осокин неслышно и молниеносно карабкался по пожарной лестнице снаружи здания. Достигнув верха и легко перемахнув бордюр, очутился на плоской крыше. Ему не понадобилось восстанавливать дыхание, для него взобраться на четвертый этаж – плевое дело. Его способность двигаться бесшумно приписывали чарам магов, но не лично ему. Как же, как же, человеку ведь не дано перепрыгнуть через собственное ничтожество, и уж если кому-то такое удастся, то тут замешаны сверхъестественные силы... Но за якобы с небес упавшим подарком стояли изнурительные тренировки, которые он начал в юности, еще не сознавая, зачем это нужно, а просто стараясь хоть в чем-то отличаться от сверстников.

Осокин, внешне похожий на студента, блондин с грустными светлыми глазами, роста чуть выше среднего, сухощавый, с наслаждением вдохнул ноябрьского морозного воздуха и подошел к бордюру, огораживающему край крыши. Осмотрелся, прислушался. Тишь в полном смысле слова, а крыша со всеми удобствами: тут тебе и пожарная лестница, и панорама улицы как на ладони, и глаз радуется, задерживаясь на расцветенных огнями окнах.

Здесь тишина доведена до абсолюта, хотя район находится рядом с центром. Своей абсолютной тишиной эта часть города обязана первоначальной застройке, в давние времена улочки проложили уютные, но узкие и кривые, поэтому транспорт объезжает старые кварталы стороной. И освещение тут неважное, ночью люди стараются по району не разгуливать. Дома невысокие, стоят плотно, будто поддерживают друг друга.

Два трехэтажных дома напротив выглядят почти близнецами, только один скоро развалится по причине ветхости, а второй приобрел новую жизнь, поскольку получил состоятельного хозяина, окна в нем плотно занавешены шторами. А в соседней трехэтажной развалюхе за окнами копошатся люди, не задвинув шторы. Этим не от кого прятаться, некого бояться, нечего скрывать, вряд ли даже избач изъявит желание перетрясти их скарб, ведь брать там явно нечего, и...

Мысль была прервана: внимание Осокина привлекла маленькая точка красно-малинового цвета, дрожавшая то на стене, то в окне третьего этажа развалюхи. Игрушек, имитирующих лазерный прицел, много, но сейчас он видел след вовсе не игрушки. Или, скажем так, опасной игрушки.

Осокин переместился на угол крыши и осторожно глянул вниз. Под ним четыре этажа, а рядом стоит дом в три этажа. Осокин разглядел темную фигуру лежащего человека у бордюра, а в его руках винтовку. Нервы дрогнули, закралось подозрение, что человек, вооружившийся снайперской винтовкой с лазерным прицелом, пришел по его душу. Почти сразу Осокин вспомнил о том, когда и в какой день он пойдет на операцию (свою работу он называет только операциями), не знает никто.

Успокоившись, Осокин проследил за точкой и сделал вывод: винтовку держат неумелые руки. Это определяется легко: красная точка не задерживалась долго на одном месте, а ныряла, скакала по стене, дергалась, чаще всего почему-то попадая на мальчишку лет десяти-одиннадцати, который, как Ванька-встанька, появлялся и исчезал в двух окнах третьего этажа развалюхи. Без сомнения, с винтовкой сейчас забавляется новичок, который, скорей всего, купил ее для охоты. Нынешних охотников привлекает боевое оружие, да не абы какое, а последние разработки с наворотами. И сейчас, видимо, охотник решил проверить дальность прицела.

Следя за красной точкой, Осокин решил отменить операцию, раз неудачное стечение обстоятельств привело на соседнюю крышу возможного свидетеля. Параллельно он думал: «Нечаянно нажмет охотничек на спуск – и пацану хана». Одно озадачивало: в других окнах

мелькает полно народу, а охотник упорно берет на прицел мальчишку. Это самое последнее дело – тренироваться на ребенке, не мешает преподавать урок неумехе... Осокин оценил расположение: оба дома примыкают друг к другу, зазор между ними в полметра и только-то, спуститься по водосточной трубе до соседней крыши и перешагнуть – нечего делать.

Осокин достал было специальную шапочку, которую просто превратить в маску с прорезями для глаз и рта, стоит опустить отворот на лицо, но передумал ее надевать – сейчас темно, охотник и так не разглядит его. Неслышно спустился по водосточной трубе до уровня соседнего дома и, словно кузнечик, перепорхнув на его крышу, начал осторожно подходить к тому, кого назвал про себя охотником.

Тот был так увлечен прицеливанием, что не только не почувствовал, но и не услышал крадущегося сзади человека. Осокин усмехнулся: необстрелянный лопух попался. Что ж, учить такого нужно сурово, чтобы запомнил: нельзя целиться в ребенка. Осокин вытащил штык-нож, какой устанавливается на винтовку СВД, и через несколько секунд остановился у ступней лежащего человека. Тот опять ничего не услышал! Может, глухой? Прошла еще минута, Осокин ждал, когда же охотник почует его.

Парень – по всему видно, он молодой – наверняка не нюхал пороха, но целился как заправский снайпер. Вдруг спина его напряглась – явно ощутил опасность. В следующий миг развернулся, но одновременно Осокин навалился на него, прижал коленом, схватив за грудки одной рукой, и приставил сталь лезвия к горлу. В полумраке глаза парня – действительно сопляк, лет на десять младше Осокина – сверкнули ужасом. Первый урок он усвоил: узнал, что чувствует человек перед смертью.

На этом можно было рассмеяться, сказать: «Извини, я пошутил», тем более что внешность Осокина не вызывает опасений, напротив, он располагает к себе. Впрочем, темновато для взаимных симпатий, Осокин ослабил хватку – и вдруг...

Он видит, кажется, даже затылком, не говоря уж о взгляде, который если и направлен прямо, но подмечает мельчайшие детали по краям поля зрения. Так вот, именно боковым зрением Осокин увидел рядом раскрытый футляр аккордеона (видимо, в этом футляре охотник принес винтовку), заметил, что винтовка зарубежного производства, к ствольной накладке прикреплена сошка для упора, а ствол оснащен глушителем. Глушитель... это настораживает. Зачем охотнику, купившему боевую винтовку, чтобы идти на крупного зверя, глушитель? Допустим, чтобы егеря не слышали выстрелов. Тогда этот парень браконьер, ну и фиг с ним. А если винтовка не для охоты? Не удовлетворившись собственными предположениями, Осокин решил допросить парня, потому что вновь его посетила недавняя мысль – охотятся на него самого.

– Кто такой? – коротко бросил Осокин, приблизив свое лицо к насмерть перепуганному лицу снайпера-любителя. А у того, кажется, наступила временная потеря памяти. Следующая фраза Осокина прозвучала жестко, для внушительности он еще толкнул парня коленом в грудь: – Я задал вопрос.

– Глеб меня зовут, – выпалил тот, ощущая острый клинок, неласково коснувшийся горла. Дышал он часто. Но это от страха. Страх имеет свойство обычного крана, только в данном случае перекрывает не воду, а кислород.

– Фамилия? – пренебрежительно бросил следующий вопрос Осокин.

– Зач-чем? – Голос Глеба дрожал.

– Не люблю повторять.

– Яцков.

Вот и пот покатился у парня по вискам, а на улице стоит небольшой морозец. Яцкову, лежавшему довольно долго на крыше, должно быть холодно, а ему стало жарко. Капли пота о многом сказали Осокину: Глеб дорожит шкурой (разумеется, своей). По его телу сейчас волнами проходил озноб. Теперешняя мизансцена когда-то не являлась редкой для Осокина, и

не всегда у врага, застывшего под его ножом или под дулом его оружия, катился пот страха. У Осокина своя градация, собственная система, по которой он судит о людях, с какими сталкивает его жизнь, и по его оценочной шкале под его коленом в данный момент дрожал кусок дерьма.

– Кого завалить пришел? – спросил напрямую Осокин.

– Я не... я просто... клянусь...

Ну, не успел придумать Яцков, зачем взобрался на крышу, прихватив снайперскую винтовку. Все понятно: его прислали убить Осокина. Сейчас парень заплачет, раскается, вспомнит маму, ее больное сердце, что ждет она сыночка... Осокин поморщился, как от оскомины, сказал:

– Не трясись, а то рука дрогнет – захлебнешься кровью. – И все-таки он жаждал признания: – Кого приказано завалить? Колись!

– Нет! Не приказано! Я просто... я же сказал...

– Тогда я завалю тебя, – пообещал Осокин. – Это действительно просто.

По тому, как он это сказал, Глеб понял, что гроб ему обеспечен, если только не подсуется с признанием:

– Не надо. Я расскажу. И подпишу. Что скажете, то и подпишу. А вы мне охрану... Да? Меня же убьют... пожалуйста...

Слушал Осокин и чуть не разразился хохотом. Придурок подумал, будто его подцепил синичка, то есть мент. Отсюда вывод: Осокина он видит впервые, не по его душу пришел. Осокин собрался было уходить, жалея о потерянном времени и собственном плане, который придется перенести, как вдруг Яцков признался:

– Мне завалить приказали... его.

Поскольку парень лежал сейчас на спине с приподнятыми и согнутыми в локтях руками, он не рискнул шевельнуться, а только большим пальцем указал назад, то есть на дом напротив. Вечер был потерян, и только лишь поэтому Осокин проявил ленивый интерес, искренне не понимая, кто же достоин смерти из трехэтажного барака:

– Кого?

– Пацана, что на третьем этаже живет.

– Пацана? – не сразу сообразил Осокин. – Какого пацана?

– Крайние два окна.

Именно в этих окнах Ванькой-встанькой появлялся мальчик лет десяти. Не его же приказано завалить? Но в крайних окнах больше никого не было, еще только девушка мелькала.

– Не понял, кого? – переспросил Осокин.

– Пацана. Потом девчонку.

– Девчонку вижу... – бросил Осокин взгляд на дом напротив. И вдруг его осенило: – Того пацана? Десятилетку?

– Ему одиннадцать с половиной, – оправдался Яцков. Дескать, самый возраст у мальчишки, чтобы его грохнули.

Осокина нельзя удивить ничем. Вообще ничем. Во всяком случае, до сих пор он так думал. Но даже ему, хорошо знающему изошренную жестокость людей, не пришло в голову, что некий взрослый бык дал приказ убить ребенка и для верности снабдил исполнителя снайперской винтовкой с глушителем. Он с минуту молча следил за окнами в доме-развалюхе.

– За что? – Стало вдруг любопытно очень нелюбопытному Осокину.

– Не знаю. Мне что за дело?

– Не твое, говоришь, дело? – отстранился он, чтобы получше рассмотреть юного киллера. – Но он же... шкет. От горшка два вершка.

– Скажи это тому, кто его заказал, – огрызнулся Яцков, получив наконец возможность свободно вздохнуть.

– А кто его заказал?

– Мне об этом не докладывали.

– А тебе кто приказал?

– Толком не знаю. Я недавно вошел в клан.

– В какой клан? – скептически усмехнулся Осокин, подумав про себя, что сейчас каждый главарь заурядной шайки мнит себя главарем мафии.

– Ну, клан... организация. Главный там Богомол. Разве не слышал? Только я его не видел. Меня привел Витяня Калужник. Ему приказали, а он мне велел пацана хлопнуть... с девчонкой. Чтобы повязать меня. Так со всеми поступают, в три этапа проверку устраивают. У меня последний этап сегодня. Мы с детства с Калужником знакомы. Витяня сидел... за кражу. Нет, за грабеж. А я в институте учусь. Деньги нужны.

– Для больной мамы, – догадался Осокин, слушавший лепет начинающего киллера довольно отстраненно. Он вспоминал себя в его возрасте, вспоминал армию и то, как убил первый раз, чтобы самому остаться в живых. Но там это было нормально.

– Откуда знаешь? – говорил тем временем Яцков. – Да, для нее. У мамы диабет. Витек предложил работу... Он доверяет мне...

– Значит, чтобы маме купить лекарства, надо убить пацаненка? А сколько тебе лет?

– Двадцать.

– Двадцать... – повторил Осокин с пониманием в голосе, в котором слышалась еще и ирония. Он имел право иронизировать, ведь самому ему стукнуло тридцать три, это круглая для мужчины цифра. Да, выглядит Осокин значительно моложе, похож на студента-отличника, что часто его выручало. – И ты уже убивал?

– Нет, это первый раз, честное слово, я ж говорил... – В лихорадочном шепоте Глеба послышались просительные ноты, как бы мольба о пощаде. – Я ж не успел. И я сообразил. Добровольно.

– А почему до сих пор не выстрелил?

– Ждал, когда они будут в разных комнатах. Приказано без шума... ну, чтобы пацан был в одной комнате, а девчонка – в другой. А то крик поднимут... надо, чтобы пару дней их никто не хватился... Первого пацана, потом ее. А он бегаёт туда-сюда...

– Не повезло тебе, – без двойного смысла сказал Осокин.

Несколько минут он изучал юношу, которому всего двадцать лет. Глеб явно не служил в армии. В армию такие не идут, они ее боятся. Но на тропу войны Яцков ступил. Самой гнусной войны – исподтишка. Он добровольно взял в руки оружие и пришел убить женщину с ребенком, а те не подозревают, что им кто-то приготовил смерть. Яцкова не пугало, что смерть в его руках, не пугала кровь и то, что будет потом с ним, как он сам изменится, как изменится его жизнь. А она изменится с той секунды, когда палец нажмет на спусковой крючок, изменится бесповоротно и навсегда. Ему чудится, что он спокойно будет пить пиво в баре и ощущать себя героем... А может, так и было бы. Его больше испугало другое: застукали! Стрелять из засады по мальчишке, который совершенно никому не мог перейти дорогу в силу своего малолетства, он готов, а отвечать за это не готов. Осокину неожиданно даже интересно стало, а как бы он повел себя, все-таки выстрелив в человека? И Осокин, поднявшись на ноги, приказал несостоявшемуся – пока! – киллеру, указав подбородком на стену соседнего дома, туда, откуда пришел сам:

– Лезь наверх.

Яцков подошел к краю крыши и испугался:

– Как?

– По трубе. Лезь, лезь...

Прихватив чужую винтовку и подпихивая Яцкова в спину ножом, Осокин взобрался следом за ним на крышу четырехэтажного дома...

2

– Люд, ну, можно, я поиграю на компьютере? – с ноющей интонацией спросил Тимка, стоя в дверях кухни. – Выучил я уроки. Там учить нечего.

– Тебе спать пора, а ты еще не ужинал, – строго сказала Люда, сосредоточенно переворачивая котлеты.

Она твердо была намерена взяться за воспитание Тимки, который в очередной раз создал проблему: Люду вызывает его классная руководительница. Господи, как она боится этих сухих с потухшими глазами людей – учителей! А где время брать, чтобы ходить в школу как на работу? Тимка не хулиган, нет, он обычный ребенок: немного непоседливый, немного фантазер, немного врунишка, чуточку подлиза. Зато способности к учебе у него выше средних, эти способности плюс неумная любознательность и создают ненужные проблемы. Люда подозревала, что классная невзлюбила Тимку, но он должен уметь налаживать контакты, в современном мире это необходимо, поэтому Люда больше спуска ему не даст. Раз вызывают, значит, виноват, следовательно, никаких развлечений, никаких компьютеров неделю! И она его заставит полы в доме вымыть. И еще что-нибудь придумает. А предварительно поищет в книгах о воспитании советы, по этой части опыта у нее нет.

– Ну, хоть полчаса, а? – канючил Тимка.

– Нет! – была непреклонна Людмила.

– Я ничего плохого не делал, честное слово. Ну, пятнадцать минут...

С улицы послышались жуткие женские крики, резкие мужские голоса – что-то случилось. Люда бросилась к окну, а Тима, как обезьянка, запрыгнул на табуретку, затем на подоконник, открыл форточку и высунул голову наружу.

– Что там? – спросила Люда. – Ничего не вижу.

– Толпа, – доложил Тимка. – Бегают чего-то.

– Слезай, простудишься. Ужин готов, иди мой руки.

– А можно, я после ужина...

– Нельзя! – не дослушав, отрезала Люда, тряхнув рыжей челкой.

Тима вздохнул и поплелся в ванную.

* * *

Нелепо смотрелся на асфальте человек в дорогом и светлом костюме – пятидесятишестилетний Фисун. Голова его сейчас находилась на коленях последней, а точнее, очередной жены. Не каприз уложил Фисуна на асфальт (кстати, он славится капризами), а пуля, обычная пуля. Он не верил, что его огромное тело убьет маленькая пуля, он собирался жить вечно. Фисун стонал:

– Больно... Сделайте что-нибудь... Заткнись, дура.

«Дура» – это его жена Марьяна – неопределенного возраста, ведь полнота молодых женщин довольно сильно старит, слегка вульгарная, слегка строптивая, слегка душечка и очень аппетитная женщина – рыдала в голос, зажимая шарфиком рану чуть пониже плеча мужа. Приказ заткнуться она исполнила мгновенно, Фисун любит послушание. Охранники звонили по мобилам, носились вокруг, не соображая, откуда произведен выстрел.

Собственно, выстрела не слышал никто. Фисун, выйдя из автомобиля, который едва поместился на узенькой улочке, повернулся к охране отдать последние приказы. Внезапно он вздрогнул всем телом, замер и стал заваливаться с перекошенным от боли лицом, беспомощно хватая руками воздух, словно слепой, ищущий опоры. Охранники не сразу поняли, что кто-то

выстрелил в Фисуна. Они сначала попытались удержать его на ногах, потом внести в дом, предполагая, что у патрона сердечный приступ. Ну-ка, столько коньяка с водкой выпить и жрать все без разбору – никакое сердце не выдержит. Его подхватили... да куда там, тащить на руках тушу сто пятьдесят кэгэ... Такое не под силу и шестерым атлантам, а охранников всего двое. Правда, еще и водитель помогал. Не справились, уложили Фисуна на асфальт рядом с новенькой машиной, загородившей улицу, расстегнули пиджак... Только после этого заметили густое алое пятно на голубой рубашке и догадались о его происхождении.

Милиция приехала раньше медицины. Один за другим выпрыгнули из двух машин человек пятнадцать, одетые в стиле милитари, рассредоточились по улице, забежали в подъезды. Со стороны выглядело вроде как учения идут или террористов ловят. Но Фисун – это топливо во всех его видах, а топливо – это валюта всех народов, а валюта – это сила. Таким образом, стреляли не просто в сто пятьдесят кэгэ живого веса, а в силу, стреляли в топливо и валюту, отсюда отношение к Фисуну особое.

Приехала «скорая». Фисун был жив и в сознании, шептал, глядя в небо:

– Умираю... Помогите, сволочи... бабками засыплю...

Конечно, ему не хотелось умирать (при таких доходах есть желание прожить три-четыре жизни). Человек семь переложили его на носилки, чтобы потом погрузить тело в машину «Скорой помощи».

Как некий персонаж не из этой оперы появился неторопливый прохожий, вырвавшийся из переулка, – молодой человек лет двадцати пяти, невысокий, стройный, согнувшийся под тяжестью аккордеона на плечах. Проходя мимо «Скорой», он замедлил шаг, остановился, глядя на суету. Его толкнул омоновец:

– Проваливай!

– А что тут? – спросил Осокин (это был, конечно, он).

– Проваливай, я сказал! – наступал омоновец.

Осокин поправил ремни аккордеона, обошел группу, запикивающую носилки с Фисуну в машину, проследовал мимо вопящей и заламывающей руки жены топливного магната и зашагал прочь. Улица пуста, а «Скорой» не развернуться никак – она «топталась» на месте, визжа тормозами, шурша шинами, рискуя врезаться в стены домов по обеим сторонам...

Георг Ипсиланти практически не слышал стонаний безутешной без пяти минут вдовы без пяти минут убиенного, не видел суету множества людей. Почесывая короткую бородку, он рассматривал окна домов напротив, а те словно висели во мраке, невинно светясь ярким электрическим светом.

Есть в этих на первый взгляд мирных окнах некая затаившаяся угроза, некая опасная материя, которая в самый неожиданный момент удивит тебя враждебной изнанкой, например, выстрелом в лоб. В том-то и дело: удивиться всегда успеешь, но не успеешь сделать ответное движение. Откуда-то оттуда, из мирного окошка, произвели выстрел, но узнать, откуда стреляли, сейчас невозможно. Только когда приблизительно вычислят траекторию полета пули и узнают, под каким углом она вошла в тело, только тогда – опять же приблизительно – определятся квартиры, где предположительно находился убийца. И тогда появятся подозреваемые или соучастники, или свидетели. Возможно, кто-то сейчас смотрит вниз из желтого окна на суету множества людей и ухмыляется. Но попробуй докажи, что именно из той квартиры стреляли, докажи, что именно эти люди пустили убийцу или сами взяли в руки ствол...

Взвизгнула в последний раз на развороте тормозами «Скорая» и умчалась наконец, включив сирену. На ее место, но с другой стороны примчалась легковая, из нее вышел и направился к Ипсиланти, сохраняя этакий ответственный вид, Краснов – заместитель прокурора. У Ипсиланти возникло подозрение, что сюда сейчас съедутся вся прокуратура, ФСБ, милиция и бог весть еще какие службы. Многим смерть Фисуна как манна небесная, для немногих – крах.

Краснов огляделся, разминая сигарету:

– Слушай, не с крыши стреляли, а? Они в этом районе плоские. Надо бы послать туда ребят...

Ипсиланти перевел на него скучающий взгляд, вяло промямлил:

– Давно это сделал.

– Ну, что Фисун?

– Убит.

– А мне сообщили, ранен.

– Убит, убит, – неактивно заверил Ипсиланти. – Может, до утра дотянет, хотя сомневаюсь. Его профессионально срезали. Не наповал, но профессионально.

– А меня с постели подняли, – пожаловался Краснов. – Черт бы побрал мобильную связь, но без нее невозможно.

– Из чьей постели? – без интонационной окраски спросил Ипсиланти.

– А народу-то нагнали сюда... – не отреагировал на солдафонский выпад Краснов. – И ОМОН, и милиция...

– И зампрокурора, – подковырнул его Ипсиланти.

– Будто президента грохнули, а не сволочь последнюю, – снова не отреагировал тот. – Знаешь, как он этот дом выкупил? Двоих одиноких владельцев квартир бомжами сделал, те под водку подписали документы, потом он их вышвырнул. Один умер, сердце не выдержало, второй неизвестно где. Но нового хозяина бог наказал. Взялся тот делать ремонт, а все как стало сыпаться, стены как начали трещать... В общем, пришлось вложить денег больше, чем рассчитывал, легче было новый дом построить.

– На выселках? – усмехнулся Георг. – Дом за городом называется дачей, хоть размерами она будет с Кремль. А наших богатеев тянет в центр. Недвижимость всегда в цене.

– У нас не только недвижимость в цене, такие подонки тоже.

Некоторое время они молчали, думая об одном и том же – о Фисуне. Прощельга и подлец, вор со стажем, но не тот, который в законе, а масштабный, с которым первые лица государства за руку здороваются, Фисун уложил массу народа – кого в больницы, кого в могилы, кого в психушки. Что касается личных качеств, то он – редкостный хам, на облике которого отпечатались лишь основные инстинкты: пожрать, поспать, устроить разгон подчиненным, удовлетворить похоть... пожалуй, все. Положительные черты: любит детей от первого брака, а браков у него насчитывается штук семь, обожает своих ризеншнауцера и попугая. Подобных бизнесменов, наверное, полным-полно, исключительно сволочной нрав Фисуна не должен удивлять, как не должно удивлять и то, что в него всадили пулю. Но противно.

«Противно, что миром правят ублюдки. Им часто выдают заслуженную пулю, потом хоронят с почестями, а ты ищи убийцу», – подумал Ипсиланти.

Словно подтверждая его мысли, Краснов произнес:

– Если поймем киллера, я ему руку пожму.

– Поплюй, – бросил Ипсиланти. – Потому что, если не поймем, нас будут склонять все средства массовой информации, а начальство кастрирует.

– Тьфу, тьфу, тьфу! Чего они там так долго?

– Киллера ищут, – хмыкнул Ипсиланти.

– А он их только и ждет...

Оба задрали головы и смотрели, как на крышах мелькают лучи фонариков. А тут еще мадам Фисун-последняя снова забилась в истерике, отчего в ушах начался один непрерывный звон. А ведь за мужем в больницу она не поехала... Зная Фисуна, вряд ли кто верил в искренность истерики его супруги, очевидно, поэтому и раздражали всех ее рыдания.

У Краснова затекла шея, он опустил голову и исподволь наблюдал за Ипсиланти. Георг представительный, тридцати семи лет, внушает уважение и трепет (особенно преступникам) одним суровым видом. Черные с проседью волосы, густые и почти до плеч, вызывают обосно-

ванную зависть у Краснова, имеющего раннюю плешь. Зависть вызывает и тот факт, что Ипсиланти – любимец женщин, причем принимает это как должное, то есть бессовестно пользуется своей внешностью, расстается с женщинами без сожаления и мук совести, ходит об руку с удачей. Краснов же во всех смыслах обыкновенный. Но внутри он поэт и маэстро, тонкая натура. Правда, никто этого не замечает.

– Георг Маркович! – выглянул из подъезда милиционер. – Есть!

Ипсиланти и Краснов поднялись на четвертый этаж, через люк вылезли на крышу. Труп увидели сразу, возле него толпились оперативники и омовцы.

– У-у, – разочарованно протянул Краснов. – В нагрузку к Фисуну еще один.

Это был труп совсем молоденького парня с простреленным глазом. Лежал он на боку, поджав ноги. Рядом с его рукой валялся пистолет с глушителем. Ипсиланти подошел к бордюру – красота, а не точка: вся улица, как на ладони, а тебя снизу вряд ли видно.

– Пожалуй, вообще не видно, – произнес Ипсиланти.

– Что ты сказал? – не расслышал Краснов, стоявший над трупом и с сожалением качавший головой.

– Говорю, меткость у него хорошая.

– Была, – добавил Краснов. – Странно... Заказчики грохнули киллера прямо на месте преступления? Хм, выходит, у нас двойное убийство. – Подумал и добавил еще: – У тебя полка с «глухарями» есть? Заведи – мой тебе совет.

– Не понял... – Ипсиланти приблизился к трупу, но в упор рассматривал зампрокурора. – Хочешь сказать, что я, – он подчеркнул местоимение «я», – не раскрою убийства? Ну, нет, я не позволю какому-то гаденышу, стреляющему с крыш, подмочить мою репутацию.

– Георг, это не первое, не второе, даже не пятое заказное убийство в городе. Тебе просто пока везло, что не попадались дела такого рода.

– Думаешь, маньяка или убийцу, расчленившего труп, найти легче? – высокомерно приподнял подбородок Ипсиланти.

– Не спорю, не легче. А вообще... с тобой спорить – здоровье терять. Заказуха готовится тщательно, поэтому раскрываемость мизерная. Ну, сколько у нас нераскрытых заказух? Лично я со счета сбился. Правда, трупов в нагрузку не было, но все когда-то случается впервые... – И он уставился на труп у ног.

– Хочешь пари? – вошел в азарт Ипсиланти.

– Да ради бога! Я с удовольствием у тебя выиграю. Что получит выигравший?

– Коньяк... м... ящик.

Ипсиланти протянул руку, Краснов взялся за его ладонь и опустил глаза вниз – между ними лежал труп. Получилось случайно, а вдруг это плохая примета? Краснов был жутко суевренным человеком. Но, может, и наоборот, это даже символично – заключение пари над только что убитым? Собственно, Краснов доволен: ведь Ипсиланти вынужден теперь будет из кожи лезть, а убийцу найти, что не так-то просто сделать. На всякий случай он предупредил Георга:

– Но учти, это должен быть настоящий убийца, а не липовый, не кто-то случайный, на кого тебе вздумается «повесить» сегодняшние два трупа. Иначе будешь должен мне два ящика. Короче, я держу тебя на контроле, понял?

– Хм, – хмыкнул Ипсиланти. – Идет. Ребята, разбейте...

* * *

Жена Фисуна Марьяна перестала голосить, едва отъехала последняя машина. Она включила свет во всем доме, в комнатах и коридорах – ей было страшно. И все же отпустила тех, кто должен был охранять покой Фисунов, в одиночестве ждала новостей. Время от времени Марьяна брала трубку и звонила в больницу, но ей отвечали, что операция еще не закончилась.

– Когда же она закончится! – в сердцах бросала трубку у ног, затем ее взгляд хищно нацеливался на картину, висевшую на стене напротив, Марьяна замирала.

Не степь ковыльная ее привлекала, не восход солнца на картине, а то, что пряталось за полотном. Из состояния столбняка Марьяну выводил попугай, начинавший вдруг гортанно выкрикивать:

– Дай пожрать! Бакс хочет Марьяну. Трахнуть себя хочет Бакс!

– Заткнись, урод, – бормотала она, с ненавистью поглядывая на птицу.

– Заткнись, урод! – повторял Бакс радостно.

Эта гадость на жердочке в гостиной последнее время повторяла все, что ей удавалось услышать, а папаша Фисун приходил в дикий восторг. Не думала Марьяна, что ненависть возможна к глупой птице, которая механически повторяет набор слов, вбитых в ее тупую голову тупым папой Фисуном. Но серый увалень с кривым огромным клювом раздражал ее ежедневно. Его пух летал повсюду, попадая в тарелки, отчего Марьяну выворачивало. Специфический запах от него она чувствовала даже в ванной, а мерзкие лапы с когтями, как у вампира, переступающие по спиленному сучку, вызывали постоянное чувство омерзения, особенно во время приема гостей, когда ели и пили в гостиной. И цепь гремела сутками, будто по дому бродит призрак. Папа Фисун посадил Бакса на цепь, как собаку, а эта тварь любит полетать, погрызть мебель, свалить парочку дорогих предметов интерьера.

Марьяна мечтала увидеть Бакса в кастрюле с бурдой для Цента – такой же тупой и невоспитанной, как папа Фисун, черной псины, от которой тоже нестерпимо воняло и которая постоянно чесалась.

Однажды Бакс клюнул Марьяну – он невзлюбил ее, или ей так казалось. После этого у нее едва не началась гангрена, ведь чертов попугай гигиену не соблюдает и клюв зубной щеткой не чистит, – руку резали два раза, изуродовав ее шрамами. На пластическую операцию, чтобы сгладить рубцы, Фисун денег не дал, посчитав это пустой тратой, мол, и так сойдет. Сойдет до поры до времени, пока Марьяна Фисуну не наскучит и не появится следующая стокилограммовая матрешка. Муж удивительно жаден, Марьяна не раз унижалась перед ним, выпрашивая деньги. Но Фисун сейчас на операционном столе, выживет или нет – от этого зависит будущее Марьяны. Жалости к нему она не испытывала, пожалуй, ей было жаль себя.

3

Бар гудел многоголосьем, музыка гремела, сотрясая воздух, а вместе с воздухом и тех, кто находился в помещении, яркие вспышки синего света ослепляли. Осокин протиснулся к стойке сквозь толпу танцующих в экстазе девчонок и мальчишек, спросил бармена, где найти Вия. Тот лишь кивком головы указал слегка в сторону и вниз.

Под баром простирается подвал. Вий привел его в надлежащий вид, превратив в гостиную, принимает там «высоких» гостей, а точнее – покупателей, ну, еще собирается с друзьями. Оттуда можно выйти из бара незамеченным через запасной выход, о котором практически никто не знает. Всякое случается, подстраховка не помешает, тем более при таком опасном хобби, как у Вия.

Осокин спустился вниз, остановился, не выходя из-за столба, поддерживающего винтовую лестницу, изучил обстановку. В гостиной за столиком с Виём сидели два незнакомца. Один из них держался с достоинством, какое встречается у поганцев, имеющих кучу денег и массу комплексов. По тому, как он сидел, как бросал фразы, как вообще вел себя, Осокин определил: завывает свою значимость. Второй был попроще. Единственное, что бросилось в глаза, – он с параноидальной маниакальностью отщипывал от щепки кусочки и бросал их себе под ноги. Не замеченный незнакомцами, Осокин юркнул под лестницу, отворил дверь в следующее помещение – уютное и небольшое, с тахтой и старым-старым холодильником. Он слышал, как Вий попрощался с гостями, как скрипела лестница под их ногами, затем все стихло. Через пару минут лестница заскрипела вновь, потом дверь комнатки открылась.

А вот и Вий – с простецкой улыбкой до ушей, с лохматой бородой до груди, с волосами ниже плеч и лентой, опоясывающей лоб. Говорят, крупные люди добрые. Не всегда. Но Вий – добрейшей души, жизнерадостный человек. Правда, если понадобится, хребет переломает одной правой... или левой, у него обе руки крепкие, так что, лучше его из себя не выводить. Встречаются люди, которым везет с пеленок, к ним относится Вий. В каких только переделках он не побывал, а жив и здоров. Кличку дал ему в батальоне Осокин сто лет назад, когда друг лишился левого глаза из-за ранения. Возможно, уместнее была бы кличка Корсар, но раненый тогда постоянно жаловался:

– Все время хочется веко поднять пальцем, я его ощущаю.

Осокину припомнился персонаж из гоголевского ужастика, который просил поднять ему веки, он и пошутил вслух. Так кличка Вий и приросла к другу.

Вспоминать об этом Осокин не любит, потому что есть только настоящее, оно стоит того, чтобы не вспоминать прошлое. Сейчас у Вия вместо уродливой щели на месте левого глаза стоит протез, он вполне прилично смотрится, только глаз постоянно открыт, но кличка осталась. Впрочем, он и по габаритам похож на гоголевского персонажа, а последнее время еще и в весе прибавил, короче, вид у него устрашающий: Осокин рядом с ним щенок. Познакомиться с Виём обычно людям не хочется. Наверное, по этой причине от него убегают женщины.

– Привет, – улыбался Вий, отбрасывая длинные волосы назад движением головы. – Что-нибудь стряслось?

Осокин водрузил футляр аккордеона на стол, отбросил крышку, отошел, молча приглашая друга посмотреть. Тот приблизился, заглянул в футляр и присвистнул:

– Ух ты! Где взял?

– Нашел.

– Прямо так: идешь по улице и...

– Ага. Стоит аккордеон, а в футляре...

Не важно, поверил Вий или нет, он принимает ту информацию, которую ему выдают.

– «Галил»... – благоговейно прошептал Вий, достав винтовку и лихо разложив приклад, затем сошку. Поставил оружие на стол. У него не было слов.

– «Галил»? – припоминал Осокин. – Израильская?

– Угу. У меня такой нет.

Мало того что ходит Вий до сих пор по планете по причине везучести, так еще наследство получил. Скромное наследство, ничего не скажешь, но хватило, чтобы открыть забегаловку для недотеп постподросткового возраста. Наркотиков в баре не водится, Вий тщательно следит за этим, следят и его вышибалы. Стоит только заметить неестественное оживление, сразу ищут источник этого оживления, находят, ибо в помещениях установлены камеры слежения, после чего вызывают ментов, те гребут подряд и тех, кто продавал, и тех, кто употреблял или покупал. Это не стукачество, а принципиальная позиция. Вий не желает, чтобы его клуб снискал дурную славу, а папы с мамами не пускали к нему отпрысков избавиться от лишней энергии. Есть и другая, главная причина, почему Вий гонит прочь всякую шуштуру с дурью. Тот, кто держал в руках оружие, кто знает его и любит, расстаться с ним соответственно не может. Вий коллекционирует современное оружие. Разумеется, продает тоже. Не первому встречному, не бывшим врагам, а по рекомендациям знакомых. Зачем ему лишние проблемы из-за наркоты? Зачем ему обыски, слежка и так далее?

– Знаешь, насколько она тяжелее нашей СВД? – Вий не смотрел на Осокина, а разглядывал винтовку со всех сторон. – На один килограмм восемьсот пятьдесят граммов. Во как! У этой и дальность эффективного действия меньше, всего шестьсот метров, а у СВД – тысяча триста. Но в «Галиле» что хорошо, так это количество патронов – двадцать. А у нашей всего десять, хотя калибр одинаковый. Не, наша лучше. Но вот такой у меня нет. Сколько хочешь?

– С друзей денег не беру, – хмуро пробубнил Осокин, доставая из холодильника пакет с соком. – Так забирай.

– А я халяву не люблю, – любуясь винтовкой, сказал Вий. – Халява потом двойными потерями оборачивается, это я по себе знаю. Слушай, показал бы место, где «Галилы» валяются, а?

– Тогда... – отпивая сок прямо из пакета, сказал Осокин, тоже глядя на «находку», – подержи у себя. Когда понадобится, заберу. Идет?

– Идет, – рассеянно произнес Вий и вдруг напрягся. – Дар, что-то я не понял. Тебе понадобится снайперская винтовка? Зачем?

– Как обычно. Найду покупателя, притащу бабки, заберу винтовку.

– А... – удовлетворенно протянул Вий, и снова его взгляд, полный любви и нежности, приковался к винтовке. Иные женщину так не ласкают взглядом. – Согласен. Подержу у себя, пока не налюбуюсь, потом толканем. И глушитель! И лазерный прицел... Между прочим, ее загнать за хорошие бабки можно. Наши папуасы питают страсть к импорту. Придурки. Видел двоих? Тот, что старше, такого крутого из себя корчит – мама моя родная. Говорит: «кольт» хочу. Представляешь? «Кольт» ему нужен... Ха! Я ему, не отходя от кассы: какой «кольт»? Он мне: ты не знаешь, что такое «кольт»? Я: почему же, знаю. Но, говорю, «кольтов» много: «кольт Лоумен», «детектив Спешиэл», «кобра», «вайпер». Это все «кольты». Какой точно, говорю, тебе нужен «кольт»? Он мялся, мялся, потом нашелся: какой посоветуешь? Я ему парочку подборок кинул. Полистай, говорю, выбери, а то оружие – это как жена, выбирать надо по вкусу. Не буду ж я какому-то недоразвитому объяснять, что, если на дело идти, надо наше оружие брать, оно надежней. Мне выгодно сбыть дорогую игрушку, а чем дальше от нас она сделана, тем дороже стоит, верно?

– Не понравились мне они.

– Мне они все не нравятся, а что делать?

– Зачем тебе это? – вдруг спросил Осокин. – Есть забегаловка, ты независим, живи себе тихо и бабки коси. У тебя каждый день полно детворы.

– Да какой к черту «коси»! Как всем попрошайкам из разных инспекций конвертики раздашь, самому даже на кефир не хватит. А если честно... риск меня прельщает. Что еще остается в этой убогой жизни убогому человеку, а? – И Вий оглушительно расхохотался, он был доволен.

Уж кому-кому, а Осокину эта страсть хорошо известна – риск. Что-то в ней есть особенное, жгучее, несравнимое с другими радостями. Впрочем, Осокину мало отпущено радостей, и из того мизера он выбрал именно риск.

– Ствол нужен, – сказал он. – С глушителем.

– Бери. Интересно, кто придумал носить «галил» в футляре?

– Тот, кто потерял его.

– Оригинально. Киношку одну смотрел, так там один мачо автоматы таскал в гитарном футляре. Классная киношка, трупов – море... не, даже океан... представляешь? Мачо как стрельнет – три-четыре трупа в два ряда падают.

– Помню, видел. Вий, представь такую ситуацию: один товарищ нанимает ствол, чтобы шлепнуть одиннадцатилетнего пацана. Как думаешь, за что?

– Пацана? Одиннадцати лет? – засомневался тот.

– Ну, да, да.

– Если это война...

– Нет, это не война. Обычный город, мальчик ходит в обычную, я так думаю, школу, а его заказали. И шлепнуть его хотят взрослые дяди или тети.

– А что, такое бывает?

– Как видишь, бывает.

– Пацана... шлепнуть... – задумался Вий. – Не, Дар, я не знаю. Мне кажется, заказать его мог только психопат конченный.

Осокин прошелся по комнате, поставив руки на бедра, вздохнул:

– А мне так не кажется.

– Постой, ты... отнял «галил» у... того, кто хотел пацана пришить? Дар, это опасно. Из такой дорогой игрушки бьют по цели наверняка, и если кому-то приспичило завалить мальчишку, его завалят. – Вий погладил ствол винтовки, потом вздохнул: – Не удалась цивилизация. Раз уже детей киллеры валят, то не удалась.

– У тебя где будет стрелка с этим... с «кольтом»?

– Не здесь, конечно, – встрепенулся Вий. – На пустыре. Послезавтра утром.

– Поеду с тобой. Не нравятся мне твои заказчики.

* * *

Она вздрогнула – телефонный звонок. Марьяна с опаской взяла трубку:

– Я слушаю.

– Это из больницы...

– Да, да, говорите. Что с мужем? Как он?

– Вам лучше приехать, – уклонился от прямого ответа врач.

– Скажите, умоляю вас... он... жив? Я ко всему готова, и я хочу знать!

– Простите, мы делали, что могли. Ранение не совместимо с жизнью.

– Значит... умер? – выдохнула Марьяна. На другом конце провода молчали, как будто трудно было сказать однозначно. – Да скажите же, черт возьми! Он умер?

– Час назад.

Марьяна бросила трубку на диван, встала и процедила:

– Мог бы раньше позвонить, кретин.

– Кретин! – заорал идиот в перьях, испугав Марьяну.

Несколько секунд паузы – и она ринулась вверх. В потайных местах, которые муж ей не показывал, но которые она подсмотрела, забирала ценности и деньги, кидая их в сумочку. Главная проблема – сейф за картиной с ковыльной степью, о нем думала Марьяна все то время, пока Фисуна пытались вернуть жизнь. И к сейфу она притронулась, когда собрала два баула личных вещей – не бросать же дорогие тряпки. Со слезами на глазах погладив поверхность ящика, встроенного в стену, Марьяна попробовала набрать комбинацию из цифр. Чудес не случается, нужно знать код. Комбинаций, по представлению Марьяны, сотни, ночи не хватит, а ей необходимо убраться из города до утра. Утречком прибегут крикливые детки Фисуна, и ее выставят вон. В стену сейф встроен намертво, ломом не выбить, однажды она пыталась это сделать. Ну, есть один способ – автоген, да где ж его взять?

Марьяна умчалась в ванную, плеснула водой в лицо, посмотрелась в зеркало. Косметика размазалась, вид помятый, глаза с лихорадочным блеском, как у больной. Убраться из города надо как можно скорей, а денег она наскребла маловато. Так хочется независимости, которую дают только деньги и только в больших количествах!

– Придумай же что-нибудь! – приказала Марьяна своему встрепанному отражению.

Недостаток образования сказывается в экстремальных ситуациях, не помогая работе мозга, а мешая ему. Марьяна кое-как окончила девять классов, увлечений не имела, постигала в основном другую школу – обольщения. Уроки брала в Москве у одного проходимца, который обучал девиц, желающих выйти замуж за кошелек, как заарканить его. За разовый совет брал по десять баксов, тем самым оказывая спонсорскую помощь девочке из глубинки (так он говорил). Советов понадобилось немало, и в результате сумму вывалила ему Марьяна чудовищную. Потом только поняла, что ее надули, что она оказалась спонсором проходимца. Однако некоторые советы пригодились. Конечно, Марьяна – набитая дура, только в отличие от остальных таких же дур она понимает это. К сожалению, мужики с бабками (имеются в виду очень большие бабки) давно разобраны более умными. С таким трудом ей удалось вырвать Фисуна из толпы атакующих его других претенденток. Этого жирного кабана, тупого, хама, старше ее чуть ли не втрое. И что? Нормальная ведь, даже, можно сказать, честная сделка, обоюдный компромисс то есть: я тебе даю свое тело и молодость, в результате ты выглядишь в глазах общественности суперменом, а ты мне бабки. Ага, так и раскошелелся кабан!

Придумала! Марьяна кинулась к телефону, набрала номер. Ответа долго не было, оно и понятно – час ночи. Голос она едва узнала...

– Радик! Это Марьяна. Ты мне срочно нужен, приезжай скорей...

– Ополоумела? Понимаю, тебе приспичило, а на часы смотрела? Твой где?

– Грохнули, – огорошила его Марьяна.

– Что? Не понял.

– Грохнули моего, убили.

– Когда?! – кажется, проснулся он.

– Сегодня. Умер в больнице. Приезжай. И вот еще что... найди автоген.

– У тебя крышу свернуло на почве горя? – возмутился Радий. – Где я возьму автоген в такое время?

– На стройке. (Нет, житейский опыт у Марьяны все же есть, и, что такое автоген, она прекрасно знает.) Со сторожем договорись. Плати любые бабки – я верну. Радик, сделай то, что прошу, срочно! Не пожалейшь, поверь мне.

– Ладно, попробую.

Марьяна замерла перед сейфом, будто гипнотизировала: откройся, откройся...

* * *

Такси остановилось в темном районе частных владений на окраине города. Осокин снимал домик со всеми удобствами в два этажа. Звучит солидно, когда речь заходит об этажах, но на них располагаются всего две комнатухи. Сначалаходишь в узкий и маленький коридор, проходишь мимо ванной с туалетом, попадаешь в кухню размером пять квадратных метров. Потом дверь ведет в комнату, где поместились диван, телевизор и пара кресел. По крутой лестнице поднимаешься под крышу, там спальня. В ней стоят тахта, шкаф и стол с компьютером. Вот и все апартаменты, но Осокину хватает.

Взявшись за ручку двери, он на секунду-другую замер, после чего неслышно открыл, проскользнул внутрь. Он двигался предельно осторожно, гадая, кто открыл входную дверь и здесь ли еще тот человек. В первой комнате никого, это ощущалось по покою. Осталась вторая комната наверху. У лестницы Осокин снял обувь, ступил на первую ступеньку. Он хорошо изучил лестницу, знал, какая по счету ступенька издает скрип, не наступал на нее, а переступал. Он сам не слышал собственных шагов, где уж услышать тому, кто забрался в дом.

Здесь никогда не бывает полной темноты, освещение со двора всегда рассеивает тьму, сегодня это как нельзя кстати. Чем выше поднимался Осокин, тем отчетливее ощущал живое тело наверху. Нет тут ничего сверхъестественного, умение слышать полет мухи и видеть в темноте – тоже результат тренировок. Человек по природе зверек, только он забыл об этом. Именно зверька в себе и возродил Осокин, иначе давно отдыхал бы под сенью деревьев в тихом уголке – на кладбище.

Он вынул пистолет. Глаза окончательно привыкли к темноте. Последняя ступенька. Осокин протянул руку к выключателю. Вспышка света. Прищурив глаза, Осокин рассмотрел на тахте... Юля! Она терла пальцами глаза у переносицы, в ее позе и движении было что-то трогательно-детское. Осокин оперся спиной о стену, вздохнул с некоторым облегчением. Тем временем Юля привыкла к свету, обхватила колени руками и больше не походила на девчонку. На тахте сидела взрослая женщина, смертельно красивая и с вселенской грустью в огромных черных глазах. Если есть совершенство на Земле, то в первую очередь это Юлька. В отличие от большинства красивых женщин она не стяжательница и далеко не глупа.

– Для меня приготовил? – указала она глазами.

Он вспомнил о пистолете, сунул его под куртку, после чего остановил строгий взгляд на Юле. Ее не проймешь ни взглядами, ни словами, она живет сама по себе, поступает как заблагорассудится. Поскольку она молчала, не соизволив объясниться, он потребовал:

– Отдай ключ. – Она отвела глаза в сторону, значит, отдавать не собирается. – Я не хочу зависеть от случая. Если к тебе подберутся...

– Тогда я съем его, – сказала она тем тоном, который нельзя отнести ни к одному состоянию. Через слово передается внутренняя жизнь, степень нервности, эмоциональный градус. Нет, Юля в этом смысле говорит и ведет себя как в зале ожидания, где полно народу, – умеренно, кратко, спокойно.

Снаружи раздался шум мотора. Юля не отреагировала, а Осокин осел у стены, поставив локти на колени и свесив кисти рук. Он ждал и слушал. Вот открылась входная дверь, вот слышны шаги, еще одна дверь издала характерный звук, заскрипела лестница. Гера взобрался только до половины корпуса, бросил взгляд в комнату и, оценив обстановку, произнес:

– Я так и знал. – Реакция Юли никакая. – Понимаешь, сдернула из ресторана, потому что ей не нравятся мои коллеги, – как бы пожаловался Гера Осокину. – Без шубы, считай – голая, не предупредив. Ты, дорогая, воспаление легких схватишь, если будешь в такую погоду гулять по улицам голая.

– Я взяла такси, – наконец вымолвила она, но ни оправдания, ни смущения, ни других чувств в интонации не слышалось.

Гера под стать Юльке. Если Осокин внешне отдаленно напоминает романтического принца (правда, принц без дворца – пародия), то Гера – образец мужественности. Он рослый, с великолепной шевелюрой темных волос, с волевым подбородком... Да что говорить! Сошедший с экрана супермен – не иначе. На деле он мягкий и обходительный. А еще хороший друг, что является редкостью в современном мире.

– Домой приехал – ее нет, – продолжал Гера. – Подумал и сюда рванул.

– Юль, собирайся, – сказал Осокин.

Она соскользнула с тахты, встала. Зашуршала легкая ткань. Только сейчас Осокин заметил, что одета она нарядно. Юля неторопливо, словно времени у нее уйма, сунула одну ступню в модельную туфельку, потом другую, подошла к Осокину, постояла. Он воспользовался ее методом – не реагировал. Юля сделала несколько шагов по ступенькам, на секунду задумалась о чем-то, а Осокин вдруг вспомнил:

– Юль, у меня к тебе просьба. Последи за одной женщиной... – Она обернулась, одна черная тонкая бровь в удивлении приподнялась. – А я поспежу за ее сыном.

– Кто она? – поинтересовалась Юля, но не более того.

– Не знаю. Завтра буду ждать тебя в половине восьмого... Ты, Гера, разрешишь? – вдруг вспомнил он, что надо вообще-то спросить разрешения у некоторых.

– А ей можно запретить? – удивился тот.

– Так мне рассчитывать на тебя? – снова обратился Осокин к Юле.

– Конечно, – сказала она, по-родственному чмокнула его в щеку, начала спускаться вниз.

– Подожди меня в машине, – бросил ей в спину Гера. Она не обернулась, ушла. Герасим (таково его полное имя) достал сигарету, закурил. После паузы произнес: – Хм, и это терпит законный муж...

– Перебесится, – сказал в ответ Осокин о Юльке.

– Что ты! Она не бесится. Я даже не знаю, умеет она беситься или нет.

– Потерпи. Ее завоевывать надо, как блокпост.

– Боюсь, мне это не удастся. Не вмешивал бы ты ее в свои дела, Дар.

– Нет никаких дел. – Впервые за время появления Герасима Осокин посмотрел на него. Посмотрел открыто, в глаза. Герасим ценит в нем прямоту.

– Ладно, бывай, – вздохнул Гера.

Хлопнули по рукам, Герасим сбежал по ступенькам.

* * *

Марьяна открыла дверь в половине второго ночи:

– Что так долго, блин?

– Ну, знаешь... – не находил слов Радий. – Думаешь, автогены на каждом углу валяются? Глубокой ночью купить их раз плюнуть, да?

– Достал? – взвизгнула Марьяна. Она поняла по интонации, что автоген есть.

– За бабки у нас все достанешь. Десять тысяч отвалил сторожу, но газа осталось в баллоне немного, учти. А тебе зачем автоген?

– Тащи в дом, – ликовала Марьяна, неуклюже подпрыгивая, ведь как-никак, а она совсем немного отставала от покойного мужа в весе.

Партнеры Фисуна, такие же старые уроды, считают ее красавицей и норовят пощупать, на большее они не способны. Разумеется, она хороша, это на подиумах кости вышагивают, а в постели мужики любят тело. Да и кто видел богатого, престарелого пупсика, женатого на

некрасивой кляче? Впрочем, некоторые предпочитают не менять жен, но все равно на сторону бегают, уж Марьяна насмотрелась.

Радий, предприимчивый лидер молодежного движения в городе, внес в кабинет баллон, от которого отходила трубка, а на ее конце болталась какая-то штуковина.

– Чужой! Чужой! – живо отреагировал на появление Радия Бакс.

Радий вздрогнул, Марьяна его успокоила:

– Это попугай. Мы здесь одни.

Пока Радий приводил в готовность аппарат, она нервно курила, поглядывая на часы, ходила вокруг, не представляя, чем помочь.

– Трепалась про мужа? – спросил он.

– Его застрелили, – вдохнула полной грудью дым Марьяна и бешено выдохнула. – У меня на глазах. Выстрела никто не слышал, пистолет был с глушителем. Мой кабан охнул и мешком стал падать. Потом позвонили из больницы, сказали: подох.

– На убитую горем вдову ты не похожа, – подметил Радий.

– Черта с два! – дымила Марьяна, расхаживая взад-вперед. – Фисун – свинья, дерьмо. Чтобы по нему страдать? О боже, за что я свинью оскорбляю?

– Готово, – сказал Радий. Марьяна подлетела к нему, веря в удачу. – Погоди, это не все. Нужна маска... Она закрывает лицо, а в середине сделана прорезь для глаз, застекленная, стекло очень темное. На пламя смотреть нельзя, ослепнешь.

– Почему не купил маску? – рассвирепела Марьяна.

– Сторож не нашел.

– Так... – лихорадочно она начала искать выход. – Очки подойдут?

– Вряд ли.

– Хамелеоны! За двести баксов!

– Хоть за триста. Все равно ослепнешь.

– А двое очков?

Марьяна метнулась в гардероб – специально отведенную комнату для вещей, постельного белья и всего прочего. Принесла несколько штук очков, выбрала самые темные, скрепила дужки резинками и протянула Радия.

– Нет, подруга, – отступил он, улыбаясь. – Хочется быть полноценным, а не закончить жизнь в темноте.

– Ну и пошел к черту! – психанула она, надевая двойные очки. – Покажи, как эта штука работает и отваливай.

– А что ты хочешь приварить? – поинтересовался он.

– Не твое дело.

– Тогда не расскажу.

– Денег не получишь, – пригрозила Марьяна.

– Я знал, что ты аферистка, но я тебе верил. Каюсь, дурак был. Марьяна, резак не любит неумелые ручки. Лучше скажи, что ты хочешь приварить.

– Скорее разварить... – задумчиво уронила она. А вдруг, правда, сама не справится? Она решительно сняла со стены картину. – Сейф хочу вскрыть.

– Сейф! – заорал Бакс. – Резак! Марьяна корова!

– Господи, – закатила она глаза к потолку. – Пошли этому пернатому скоропостижную смерть. Иначе я дуба дам от испуга.

– Марьяна, сейф вскрывать... это уголовщина, – растерялся Радий.

– Слушай, заткнись, – скривилась она, ей вторил попугай: «Заткнись, заткнись!» – Это сейф моего кабана. Значит, то, что в нем есть, мое. Я его настоящая и законная жена.

– В таком случае почему ты сейчас хочешь его вскрыть? Что за спешка?

– Потому что завтра сюда прилетит стая акул...

– Акулы не летают, они плавают, – попытался разбавить шуткой напряженную атмосферу Радий.

– ...И эта стая не оставит от меня мокрого места, не говоря уже о том, что не даст даже посмотреть на деньги, которые лежат там. – Ткнула пальцем в сейф она. – Их мне не видать, когда сюда явятся поросята моего кабана. Потом доказывай по нашим продажным судам, что ты имеешь право на мизерную долю кабаньего капитала. Я не желаю тратить здоровье. Пусть они забирают дом, машины, компанию. Авань, подавятся. Я уступаю, но при этом свое заберу наличными. А денег там... Радик, нам их хватит, если, конечно, ты мне сейчас поможешь.

Соблазн велик! Всем известно, что у Фисуна бабок куры не клюют. И лежат они – бабки, не куры, конечно, – так близко. Сейф большой, там их много, наверное, и все в пачках... Руку протяни... Но нет, пока не достанешь. Сначала поработать. Радик надел очки...

4

Утром до начала уроков Люда робко вошла в класс, а как увидела Тимкину классную руководительницу, окатившую ее строгостью, так и вовсе затряслась. Педагогиня, придавленная опытом и знаниями к столу, оттого жутко сутулая, приказала детишкам выйти, те повиновались. Сделав Людмиле одолжение, предложив сесть, она принялась что-то искать в стопке листов. Судя по выражению ее педагогического лица, ничего хорошего услышать не предстояло. Люда осторожно присела на край стула, словно он был электрический, сложила на коленях руки, накрыв левую ладонь правой и понимая при этом, что сама как бы встала на позицию школьницы. Ремешок сумки слетел с плеча, но она и не подумала поправить его, напряглась, словно боялась, вдруг строгая женщина рядом включит электрический стул, и тогда – конец всему. Тем временем классная нашла то, что искала, положила перед собой листочки и устала на Люду, будто та вчера подожгла школу.

– Это хорошо, что Тима любознательный. А память у него вообще феноменальная, – многообещающе начала классная. – Но поймите, милочка, – обращение прозвучало уничижительно, – одно дело, когда он «сажает в лужу» одноклассников, и совсем другое дело, когда то же самое проделывает с учителями.

– Хм, – слегка кашлянула Люда, чтобы прочистить голосовые связки, ну, и набраться храбрости. – Я, простите, не поняла... Как это – «сажает в лужу»?

– Вы еще спрашиваете! Разве он не донимает вас вопросами, которые специально выискивает в энциклопедиях, чтобы показаться в глазах сверстников знатоком, с которым тягаться бессмысленно? Что вы делаете в этих случаях?

Люду в жар кинуло: до того негативным был энергетический поток, шедший от классной. Хотя, судя по всему, Тимка действительно выкинул нечто из ряда вон.

– Я обычно отвечаю... что знаю...

– А вы знаете, к чему ведет данный ответ из уст педагога?

– Нет, не знаю, – честно призналась Люда.

– Как вижу, вы ничего не знаете, – не без удовольствия констатировала классная. – А у Тимофея склонность к психологическому садизму.

– Господи, да что ж он такое спрашивает?

Люда уж ожидала услышать что-нибудь на сексуальную тему, но из учительницы вдруг посыпалось:

– Как ест муха... Какая температура на Солнце и из каких материалов оно состоит... Что собой представляют кольца Сатурна... Какова площадь основания египетской пирамиды... Ах да! Еще – какова длина экватора, и чем экватор схож с пирамидой!

– А что в этом страшного?

– Страшно то, что, задавая свои вопросы, Тима прекрасно знает ответы. И когда педагог не может ответить в силу того, что это не его сфера знаний, Тима выдает ответ, тем самым «сажает в лужу» учительницу, умаляет ее авторитет дешевым способом. Ему хочется выделиться, снискать славу всезнайки, а между тем знания у него поверхностные.

– Мне кажется, вы не совсем... правы. – Люда вскинула глаза на классную. Встретившись с ее рыбьим взглядом, потупилась, однако решила закончить свою мысль: – Тима знает много для своего возраста, ему хочется поделиться знаниями.

– Но форму он выбирает неудачную! – заявила классная.

– Может быть... А вы думаете, ребенок сознательно выбирает не ту форму? Наверное, ему надо объяснить, что так не надо делать...

– Простите, а вы-то для чего? – не скрывала своего раздражения классная. – Это вы ему должны объяснять и воспитывать его! – На это Людмиле возразить было нечего. Следующий

вопрос: – «Вот, взгляните, в каком виде он сдает контрольные по математике. Между прочим, это городская контрольная, ее будут проверять дополнительно».

Тетрадный листок, лежавший на столе, переключал к Людмиле. Она повертела его, не представляя, где начало, а где конец, вдруг заметила надменный взгляд классной и опустила голову низко, изучая лист. Ей удалось обнаружить среди хаоса расчетов саму задачу контрольной, но понять, в чем суть, Люда никак не могла, потому снова решилась спросить:

– Он не решил?

– Он решил контрольную раньше всех и на «отлично». Но, милочка, посмотрите, разве этот кошмар достоин хорошей оценки? Я примерно столько же времени, сколько и вы, искала, откуда надо начинать читать. У него с обеих сторон листка черновики! Он не удосужился переписать начисто, сдал такое вот безобразие!

– Я поговорю с Тимой, – пообещала Люда, но учительнице, кажется, этого было мало.

– Поговорите! – фыркнула она. – Ваши разговоры ни к чему не приводят. Тимофей нуждается в серьезной коррекции. Он безалаберный, рассеянный, а поведение... как у дикаря! Что хочет, то и делает. Кстати, мышление у него аномальное. Вот вам живой пример. Мы решили инсценировать русскую народную сказку «Иван Царевич и Серый Волк». Тимофею поручили роль волка, но до репетиций дело не дошло. Он всех запутал! Не только мешал педагогу режиссировать, но и трактовал сказку... уродливо.

– Уродливо? – испугалась Люда. – Как это?

– Он сказал, что герой сказки не Иван Царевич, а Серый Волк. И обосновал: Иван ничего не умеет, ленив, не слушает, когда ему говорят, как надо делать, и только мешает Волку, а потом присваивает заслуги Волка себе. А значит, Иван – отрицательный персонаж, не способный ни к чему стоящему, и его неправильно называли, потому что он самый настоящий Иван-дурак. Такова трактовка Тимофея.

Люда мгновенно представила героев известной сказки, прикинула к ним оценку Тимки и не удержалась, прыснула. Классная осуждающе покачала головой:

– Вот-вот, вам смешно. Как бы плакать не пришлось! Простите, но я должна сказать, что вы не справляетесь с задачами воспитателя. У вас нет так называемого поступательного опыта, когда развитие ребенка прослеживается шаг за шагом, с колыбели. Ну зачем вы взвалили на себя такую ношу, которая вам не по силам? Какой из вас опекун? Вы до сих пор хвостики носите, как девочка. («Она права, – подумала Люда. – Надо бы заняться своим имиджем».) Позаботились бы лучше об устройстве собственной судьбы, ведь вам уже двадцать восемь. Дальше будет хуже – мальчик просто подомнет вас под себя, полностью выйдет из-под контроля...

Люда терпима ко всем без исключения, но каких невероятных усилий это стоит! Свой истинный темперамент она давит на корню. Бывало, так и подмывает ее хаму напрямую сказать, что он хам, выплеснуть эмоции, не думая о последствиях. К сожалению, люди зачастую нормального языка не понимают, но и переходить на доступный для них язык не всегда безопасно. Можно нарваться на еще большее хамство...

Последний монолог классной, с которой Люда не могла согласиться, преследовал вполне определенные цели, и она подошла почти к барьеру терпения. Но пока еще сдерживалась, хотя и с трудом. Голос Люды звенел от напряжения, когда она перебила учительницу вопросом:

– Понятно, куда вы клоните: мне нужно отдать Тимку в приют, так?

– Я хочу вовремя помочь вам... – заговорила та, но Люда ее вновь перебила:

– В помощи нуждаетесь вы! Тима не кошка и не собачка, которую захотел – пригрел, захотел – прогнал. Хотя, думаю, к собачкам и кошкам тоже нельзя так относиться, это не гуманно. Но ведь речь идет о человеке, хоть и маленьком! Да, Тима неординарный... А вы, простите, на что? Это же вы получили педагогическое образование! А я, как умею, забочусь о нем. Не

вы его кормите, одеваете, лечите. И не вам решать, умею я воспитывать или не умею, потому что у меня проблем с Тимой нет.

– Вы самонадеянны, – уколола ее учительница.

– А вы запомните... – Люду уже несло вперед, как торпеду. – Если по вашей милости Тимку у меня отберут, я вас на куски разорву. Хорошо запомните! Все же я учту ваши замечания и, пожалуй, переведу Тимку в другую школу. Может, там найдутся более одаренные преподаватели, которые и на вопросы его найдут, что ответить, и разовьют его способности. До свидания.

Оставив учительницу глотать открытым ртом воздух, Людмила пулей вылетела из класса в коридор, где толпилась детвора. Она не понимала, как это получилось, что из нее буквально вылетали угрозы – рот сам собой открывался. Короче, налаживать контакты и ей, как Тимке, далеко не всегда удается. Может, по этой причине она и замуж не выходит?

Поискав глазами Тимку, Люда ринулась к нему, схватила за руку, потащила его за собой, словно за ней гнались.

– Куда ты? – тормозил обеими ногами мальчишка.

– Мы уходим. Будешь учиться в другой школе.

В раздевалке нахлобучила на Тимку шапку, кое-как надела на него куртку, сама одевалась на ходу. Выбежав из школы, Люда не перешла на размеренный шаг, а понеслась домой, все так же держа Тимку за руку. Она уже жалела, что разговаривала с классной в жестком тоне, дав ей лишний повод к кипучей деятельности «на благо» Людмилы и Тимки. А ведь классная многого не знает! Да она из Люды желе сделает, когда узнает...

– Куда ты бежишь? – ворчал мальчик.

– Мне на работу, хочу завезти тебя домой. Идем дворами.

– Я сам дорогу найду. Люд! А на компьютере...

– Можно, – не дослушав, разрешила она. – Все можно, только из дома ни ногой. Дай честное слово. И никому не открывать, особенно вашим учителям, понял?

– Легко.

– Не так. Хочу услышать: даю честное слово.

– Даю честное слово, что из дома ни ногой. Я что, дурак? Ты уйдешь на работу, компьютер будет мой целый день. Ура!

– Ну, ты не очень-то... перерывы делай. Господи, Тима, почему ты не умеешь сдерживать себя? – начала Люда процесс воспитания. – Почему я вынуждена выслушивать черт знает что от твоих учителей? Неужели так обязательно задавать дурацкие вопросы?

– Не дурацкие, – вставил он, едва поспевая за ней. – Я проверяю потенциальный уровень интеллектуальных возможностей. Если взрослый человек не запоминает то, что он слышал по радио, телику или прочел, у него пониженная эксплуатация мозговых клеток...

Люда остановилась, чуть слышно застонала:

– Ну, знаешь... Я с тобой с ума сойду. Где ты это вычитал?

– Сам дошел.

– Оно и видно. Ну, и на сколько ты оценил меня?

– Я тебя не оценивал, ты и так сойдешь.

– Спасибо, – буркнула Люда и вжала голову в плечи, услышав раздавшийся вдруг откуда-то сверху возглас:

– Поберегись!

Хорошо, что она сразу затормозила, не то еще бы шаг вперед сделала, и Ипсиланти приземлился бы на нее и Тимку. Спрыгнув с пожарной лестницы, он выпрямился:

– Я, кажется, вас напугал.

– «Кажется»... – фыркнула Люда, у которой из глаз сыпались молнии гнева. – Спасибо, что не убили. В следующий раз ждем вас прямо нам на головы. Идем, Тима.

Ипсианты проводил хорошенькую рыжеволосую девушку с кошачьими глазами насмешливым взглядом, затем отряхнул руки. Раздался звонок его сотового.

– Это Краснов, Георг. Думаю, тебе страшно интересно будет узнать, что в Фисуна стрелял труп.

– Интересно. Но не страшно. Значит, вчерашний киллер не киллер. Я правильно понял?

– Ты догадлив, – подколот его Краснов. – Труп стал трупом примерно за полчала до выстрела в Фисуна. И трупом его сделала пуля из того же пистолета, что завалила Фисуна, и который мы обнаружили на крыше. Кстати, Фисун тю-тю, помер.

– А я и не сомневался, что он дуба даст.

Георг поднял голову и посмотрел на лестницу, ведущую на крышу, откуда стрелял киллер. Вчера там не было найдено следов, кроме следов трупа, когда он был живым человеком, естественно. Сегодня Георг специально приехал сюда, надеясь на удачу. Удача обманула, он тоже ничего не обнаружил. Ипсианты шел к автомобилю, обдумывая, как установить личность убитого, ведь документов при нем не оказалось.

* * *

Нахохлившись, Марьяна сидела в зале ожидания несколько часов, почти не меняя позы. Аэропорт закрыт – над ним плотный туман. И надо же было погоде испортиться именно сегодня, как раз под утро! Марьяна купила билет на первый дальний рейс до Питера. Отлично, затеряться в большом городе ничего не стоит, а там переступил границу – и ты в Финляндии, потом уж лети, куда хочешь. Именно за кордоном она подумывала просадить деньги, чтобы было что вспомнить в старости. А денег... О боже, такая сумма ей и во сне не снилась. Сумку из рук Марьяна не выпускала. Поставила на колени и, таясь ото всех, прощупывала тугие пачки через материю, пытаясь сосчитать, сколько же их там, пачек. Много. Очень много. Но радость Марьяну не охватывала. Деньги в руках – все равно что атомная бомба. Их могут отнять, а вместе с деньгами отнять и жизнь. Мысли перескакивали с одного на другое, внутри росло стремление убраться из города во что бы то ни стало, и побыстрее.

Прошедшая ночь то и дело вспыхивала в памяти отдельными эпизодами. Марьяну начинало трясти, и она бежала курить, крепко прижимая к себе сумку, оглядываясь по сторонам. С первой затяжкой накал внутри немного ослабевал, а фантазия переносила ее в заграничные отели, в казино, под пальмы на пляжи. Но мысли с невероятным упорством возвращали ее назад – в дом мужа, на дорогу из города в аэропорт. То, что случилось... Нет, об этом лучше не думать. Пальмы, казино, свобода... Сосало под ложечкой от страха. Она возвращалась в зал ожидания и сидела, не расслабляясь, ловя каждое слово диспетчера.

Вдруг Марьяна содрогнулась всем телом, мужской голос очень близко произнес:

– Извините, девушка...

Она затравленно повернула голову – ее и мужчину лет шестидесяти разделяло одно сиденье. Марьяна напряженно произнесла:

– Что вы хотите?

– Нет, ничего. У вас кровь на щеке.

– Спасибо, – разом обмякла Марьяна, достала платок и пудреницу. Действительно, от виска тянулась бордовая, успевшая подсохнуть полоска. Вытирая кровь, Марьяна поразила своему отражению: бледная, с мешками под глазами от бессонницы, кожа обвисла, как у сорокалетней бабы. Охнув, подумала: – Когда же я улечу?

И неожиданно услышала ответ:

– Не скоро. – Ну и слух у мужчины, все слышит, или она произнесла последние слова вслух? А сосед пояснил: – Обещают резкие перепады температуры и гололед после тумана.

Мысли Марьяны побежали в другом направлении. Самолет летает быстро, но поезд надежней. Надо ехать в город.

* * *

Людмила выбежала из подъезда и бегом помчалась к месту работы, сокращая дорогу, как только возможно, то есть через дворы.

– Я за ней, ты здесь побудь, – сказал Осокин Юле. – Смотри за теми, кто заходит в подъезд и в какую квартиру идет. Ну, а если...

– Иди, я соображу.

Осокин проследил за Людой до продуктового супермаркета, через стеклянную витрину наблюдал, как ей делает выговор мужчина. Она сначала оправдывалась, потом закусила губу и смотрела на него исподлобья. Осокин определил, что ей страшно хочется набить мужчине морду, но она сдерживает себя с великим трудом. Затем она прошла в винный отдел, бродила между стеллажами с бутылками, что-то бурча под нос, явно ругаясь. Осокин надел очки-«хамелеоны» и вошел в магазин с целью выяснить имя и фамилию девушки, присмотреться к ней, чтобы даже ночью, если понадобится, узнать ее из тысяч. Зачем? Осокин неожиданно для себя до предела заинтересовался: почему кому-то нужно убрать эту молодую женщину с рыжими хвостиками на макушке, как у девчонки, и ее сына.

Он шел вдоль полок со спиртным, косясь по сторонам. Рыжеволосая заметила его, поспешила к нему, явно готовая влить в Осокина все спиртное, представленное в магазине.

– Вам помочь? – заговорила она, надев на лицо дежурную улыбку современной продавщицы. – У нас большой выбор, покупателю трудно...

– Помогите, – прервал ее Осокин.

– Вы предпочитаете вино или...

– Или, – разглядывая ее, ответил он.

– Тогда... идите сюда. Вот, смотрите. Здесь представлены лучшие образцы рома. Пиратский напиток. Я бы сказала, напиток настоящих мужчин. А настоящие мужчины должны пить ром хорошей фирмы, например «Бакарди». У нас нет подделок, вот ром «Карта Бланка», выдержанный в бочках из американского дуба на Карибских островах. Настоящий ром делают только на Карибских островах, только из тростниковой мелассы – это каша из рубленого сахарного тростника – и выдерживают только в дубовых бочках. А бродит он, как наша бражка! Чтобы получить желтоватый цвет, бочки сначала обжигают внутри, потом выдерживают в них ром, соответственно меняется и вкусовая палитра. Если вам приятней пить желтоватый, он находится на этой полке...

Слово вставить некуда, она говорила без пауз. Рыжая челка над кошачьими глазами в колючих ресницах придавала ей вид юнги как раз с пиратского корабля. А то, с каким воодушевлением она выполняла свои обязанности, бессовестно навязывая дорогой товар, вызвало у Осокина невольную улыбку. Он взял бутылку «Карта Бланка», кивнул: мол, беру, – и опустил глаза на грудь девушки, где был приколот белый квадратик с ее именем...

– Но когда вы соберетесь пить ром, ваше общество обязательно разделит молодая и красивая девушка. Будет не совсем уместно предлагать ей ром. Возьмите для нее джин. Он разбавляется тоником, следовательно, таким образом варьируется его крепость. Кстати, женщины предпочитают джин другим напиткам. Если вы угостите дамуджином «Бомбей Сапфир», а сами выпьете ром, оба улетите на седьмое небо. Не смотрите на цену! Когда вы узнаете, что этот джин вобрал в себя пары десяти специй путем конденсации, что технология его приготовления уникальна, а вкус божественный, вы отдадите все, что у вас есть...

«Людмила Летова», – прочел Осокин на прямоугольнике, а чтобы она уже перестала тратить на него запас своего красноречия (у него в ушах зазвенело от ее голоса), сунул под мышку джин и направился к кассе.

– А вино? – алчно сверкнули глаза Людмилы, она бежала за ним следом. – Мартини, а? Это будет полный набор изысканных напитков. Я бы посоветовала «Мартини Асти». Не пугайтесь иностранных слов, это просто сорт игристого мартини...

Ну, достала... Осокин развернулся к настырной продавщице и почти свирепо произнес:
– Неси.

Люда метеором умчалась, метеором примчалась. Осокин расплатился. Глядя ему вслед, она сделала из пальцев знак «виктории», то бишь победы.

– А я думала, он улетит отсюда, услышав общую сумму, и никогда не вернется обратно, – сказала кассирша. – Что ты там плела ему? Мне казалось, он тебя убить хочет.

– Уф, – громко выдохнула Люда. – На премию я заработала.

– У тебя три выговора! – напомнила кассирша.

– Устных! – возразила Люда и чуть ли не вприпрыжку помчалась к стеллажам, заметив следующего покупателя. Но этому изысканный алкоголь явно был не по карману, и, вообще, он пришел за пивом. Судьба не дарит две удачи в один день.

5

У, судьба, лицемерная негодяйка! Кинула в подол столько денег – хватит на билет до Марса и обратно, – но сломала такси по дороге в город. Марьяна оглядывала округу – пустота, серость, редкие деревья, растущие вдоль обочины, постепенно покрывались коркой льда. Погода просто издевалась: не успел туман рассеяться, как ни с того, ни с сего ударил мороз. Может, ледниковый период наступил? Внутри Марьяны бурлил ураган, она ходила вокруг идиота, лежащего сейчас под легковой машиной, а недавно обещавшего домчать ее за сорок минут к железнодорожному вокзалу.

– Ну что там? – наклонилась низко.

– Починим, – отозвался он.

– Я это слышу сто пятый раз! – Она выпрямилась, закурила, снова нервно заходила вокруг. – Господи! Святые угодники, вы хоть помогите! Ну, Фисун, гадский папа, это все твои козни... Чтобы тебя жарили в аду на самой горячей сковородке!

Одни грузовики изредка и неторопливо по причине гололеда проезжали мимо. Возникшую было идею попроситься к дальнбойщикам Марьяна отменила, к ним опасно садиться с сумкой бабок и с пышным телом, обязательно приставать начнут, а то и хуже. Остается ждать, когда таксист найдет поломку и устранил ее. Подмораживало крепко. Только бы водитель починил автомобиль до наступления полного обледенения, иначе «загорать» придется долго.

* * *

– Держи.

Осокин протянул Юле ее любимую еду. Она развернула бумагу и с удовольствием начала поглощать сосиски, издававшие запах специй, но никак не мяса. Окинув ее с ног до головы – одета в узкие джинсы, сапожки на «гвоздиках» и короткий меховой жакет, – он спросил:

– Замерзла?

– Нет. В подъезде грелась. Приходили двое, звонили в квартиру, мальчик не открыл, как они его ни уговаривали.

– Умный мальчик. Запомнила их?

– Узнаю. Один крупный и плотный, второй поменьше ростом и очень худой, как скелет. Психовали.

– Сейчас приедет Герасим за тобой. Я звонил.

– А ты что узнал?

– Зовут ее Людмила Летова, – сообщил Осокин. – До обеда она толкала спиртное в магазине, после обеда скрылась в конторе с загадочным названием «Рекзаказ». Дежурный таинственного предприятия сказал, что Летова работает у них со второй половины дня, пробудет там до восьми вечера. Итак, она пашет на двух работах... Я останусь здесь.

– Зачем они тебе?

– Вопрос некорректный. Вон твой Гера.

Оставив старенькую иномарку в переулке, Герасим подошел к Осокину. Не говоря ни слова, Юля прошла мимо, забрала ключи от автомобиля и направилась к переулку.

– Тебя подвезти? – предложил Осокину Герасим.

– Я остаюсь, дело есть. Чуть не забыл... Возьми вот.

Герасим заглянул в протянутый пакет, присвистнул:

– Ого! Откуда? Ты ж не пьешь.

– Потому и отдаю, что не пью. По случаю досталось, мне ни к чему.

Попрощались. Проводив Герасима взглядом до переулка, Осокин вошел в подъезд.

* * *

Люда привела массу несусветных причин и отпросилась с работы на час раньше. Весь день ее преследовал кошмар – сухая педагогиня с комиссией из таких же сухофруктов без души, которые вдруг узнали правду и... сажают Люду в тюрьму. Подхватив сумки, она мчалась домой, репетируя свои ответы классной и опекунской комиссии. Привычка разговаривать вслух, причем со всеми положенными интонациями и эмоциональным градусом, будто разговаривала Люда с невидимками, не раз ее подводила. Но... А как еще выпустить пар и заодно придумать ответы на возможные вопросы? Но в воображении всегда проще лепить матушку-правду, в жизни все оборачивается иначе. Разумеется, Люда говорила сама с собой не где попало, а только когда была уверена, что одна. Но прохожие с пальцем у виска появлялись всегда внезапно, чем здорово смущали ее. И сейчас Люда, сокращая, как всегда, дорогу к дому, с трудом балансируя на каблуках по жутко скользкой дороге, вела воображаемый диалог, будто с ней спорили по меньшей мере пять человек:

– Кто вам дал право решать за нас? Ах, это ваша работа... Отлично. Значит, у вас работа уродовать людей. Бюрократы чертовы! Не боитесь? Тима вырастет и отомстит вам. Это же естественно. Если я добровольно беру на себя ответственность, то это мои проблемы, не ваши. Справки? Справки соберем. Уже собраны. Это не страна, а сплошные справки! Ничего не изменилось с концом совдепии, те же лица на тех же местах, те же справки... Соберу! Но вы же пришли с готовым решением не в мою пользу, я правильно поняла?

Она взмокла от усилий, преодолевая трудный и скользкий участок. Разумнее было обойти его, но Люда продолжала скользить вперед, увлеченно высказывая свои соображения воображаемым оппонентам. Во дворах уже стало совсем темно. Обычно по вечерам Люда делает крюк, потому что однажды именно во дворе на нее напал пьяный, отбилась от него благодаря тому, что он лыка не вязал. Но сегодня бояться нечего. Во-первых, вряд ли кто из пьянчуг выйдет прогуляться, рискуя переломать кости на льду, во-вторых, воображаемый спор вытеснил страхи, в-третьих, до дома уже рукой подать.

Вдруг она столкнулась с темным силуэтом. Так увлечена была своими мыслями, что не сообразила испугаться, попробовала обойти. И вот наконец задумалась: кто ж это такой? Потому что силуэт намеренно перегородил ей дорогу. Люда подняла глаза – темно, лица не видно, только поняла, что перед ней мужчина. А кто еще способен приставать к женщине? Вообще-то он не приставал, даже слова не промычал. Пьяный сбился с курса? Люда сделала вторую попытку обойти его, он не дал – сделал шаг в ту же сторону. Человек не требовал кошелек, не тащил ее в темный угол, он просто не давал пройти.

– Что вам нужно? – спросила Люда, и одновременно более активная третья ее попытка обойти его потерпела фиаско. Неизвестно откуда взялся еще один мужчина, он схватил Люду сзади за локоть. Наконец она испугалась: – Вы кто? Я буду кричать... А-а-а-а!

Рука перекрыла рот, а ухо обожгло шепотом:

– Не надо верещать. Мы тебя проводим – и все.

Мужчина убрал руку, закрывавшую рот, потом у Люды вырвали сумки.

– Иди, – сказал один.

Их трое! Окружили ее, а вокруг никого. Люда чувствовала, как сердце буквально в судорогах заходится, зубы застучали мелко-мелко, да и тело дрожало.

– Куда идти? – спросила она почти в полубморочном состоянии.

– Домой.

– Если вы хотите меня ограбить, то у меня нечего брать...

– Кончай стрекотать! – гаркнул тот, кто с ней разговаривал.

Люда, окруженная неизвестными, предположительно грабителями, едва ноги переставляла по направлению к дому. Несмотря на дрожь от дикого страха, она начала лихорадочно соображать, что предпринять в этой ситуации. Главное, бежать бесполезно, все равно далеко не убежишь – скользко...

Пока они всей компанией молча скользили, Люда успела придумать, как быть. Надо к подруге идти, она через дом живет. А у подруги муж – амбал под два метра ростом, к тому же охранником работает в частной фирме, у него наверняка есть пистолет. Выстроив в уме план мести, Люда смелее поглядывала на сопровождавших ее мужчин. Но когда она решила пройти мимо своего подъезда, ее снова кто-то из троих схватил за локоть:

– Забыла, где живешь? Тебе сюда.

И развернул по направлению к подъезду. Разом все внутри у нее оборвалось: заберут компьютер – что тогда делать? Компьютер – основной источник дохода. Поднимаясь вместе с тремя грабителями по лестнице, Людмила уговаривала себя, что это не так страшно – остаться без компьютера, что-нибудь они с Тимкой придумают. В конце концов, не убьют же ее и Тимку, а компьютер – черт с ним.

А сопровождавшие знали, в какой квартире она живет! У двери Людмила намеренно долго искала ключи в сумочке, заодно украдкой изучала грабителей. Молодые. Одному лет тридцать, двум другим немногим больше двадцати. Рожи у всех самодовольные и какие-то безликие, не обремененные интеллектом. Тот, что покрупней, вырвал сумочку, вытряхнул содержимое на пол.

– Эй! – психанула Люда, наклоняясь вниз, чтобы собрать косметику. – Ты, что ли, покупал? Попробовал бы работать, был бы с вещами поаккуратнее...

Он схватил ее за шиворот, и пришлось Людмиле оставить косметику, против воли выпрямляясь. А пудреница, между прочим, стоит – за пределом разумного! Ну, да все равно она теперь разбита. Кто-то протянул ей связку ключей. Люда, мысленно прощаясь с компьютером, бабушкиной статуэткой полуобнаженной нимфы из мрамора и бабушкиным же кольцом с сапфиром, с дедушкиной коллекцией антикварных книг, вставила ключ в замочную скважину, повернула два раза. Сильная рука грубо втокнула ее внутрь...

* * *

Попугай матерился, как зверь. Краснов отворачивался к стене, чтобы скрыть смех, когда особенно соленые выражения вылетали из клюва глупой птицы. Дочь Фисуна извинялась, оправдывая папу, мол, это в шутку он учил Бакса нецензурщине, гостей забавлял. Ипсиланти тоже замирал, слушая неповторимые высказывания, иногда без выражения смотрел на чудо природы, ключущее в паузах между матами орехи. Но дело не в попугае и не в собаке Центе, облюбовавшей угол в гостиной. Тридцатилетняя дочь Калерия и сын Фисуна двадцати семи лет вызвали следственные органы, чтобы высказать свои опасения пополам с подозрениями.

– Итак, вы считаете, что именно жена вашего отца заказала его, – не то спросил, не то утверждал Ипсиланти. – Серьезное обвинение. Его надо подкрепить доказательствами.

– Доказательства? – кипел сынок Фисуна, такой же упитанный и, кажется, не совсем воспитанный. – Марьяна вышла замуж по расчету! За бабки, а не за отца!

– Марьяна корова! – заорал Бакс. – Оторви жопу от кресла!

– Извините, его не уговоришь замолчать, – сказала Калерия.

– Сколько же слов он знает? – восхитился попугаем Краснов.

– Много, – коротко ответила дочь Фисуна. – Сам запоминает. Что слышит, то и говорит. Даже спрягает, но этому его точно не учили.

– Вернемся к Марьяне... – обратил на себя внимание Ипсиланти. – Вы предполагаете, она заказала мужа, забрала из дома ценности и убежала.

– Вне сомнений, – категорично заявила Калерия.

– Где хранил ценности ваш отец? Какова сумма? Почему вы решили, что Марьяна украла ценности и сбежала? – забросал он вопросами отнюдь не убитую горем дочь убитого.

– Заткнись, урод! – выпалил попугай.

– Мне позвонила моя знакомая, – занервничала Калерия (или разозлилась, потому что Ипсиланти явно не принимал ее точку зрения?). Сынок сидел в кресле и ерзал, словно у него шило в одном месте. – Она живет напротив. Убийство отца потрясло ее, она не могла заснуть, хотя и так страдает бессонницей. Она видела, как к дому подъехал автомобиль, из него вышел мужчина и зашел в дом...

– И когда это было? – тут же задал вопрос Ипсиланти.

– Ой, я не знаю, – раздраженно бросила Калерия. – Вы у нее можете справиться. Пробыл в доме мужчина долго, а потом вышел вместе с Марьяной, они сели в машину и уехали. Ох, чуть не забыла. Мужчина внес в дом какой-то... баллон, что ли... газовый.

– А выходили они без баллона? – спросил Краснов.

– Не знаю.

– Пригласите вашу приятельницу сюда.

Соседка, интеллигентная женщина средних лет, прибежала, будто только и ждала, когда ее позовут. Она сразу под села к Калерии на диван с высокой спинкой и взяла ее за руку, выражая свое молчаливое соболезнование. Ипсиланти еще с минуту оценивал дочь Фисуна, которую с ходу отнес к категории мегер. В отличие от брата и папы она была худая, даже костлявая, с застывшим на лице выражением недовольства, будто весь мир в долгу перед ней. Впрочем, ее папу убили, и, наверное, это достаточный мотив, чтобы возненавидеть мир.

– Когда выстрелили в Силантия Игоревича... – начала соседка, но Ипсиланти прервал ее:

– А вы слышали выстрелы?

– Нет, выстрелов я не слышала. На улице был шум, я выглянула в окно и увидела, что Силантий Игоревич лежит на тротуаре, а Марьяна стоит рядом, кричит... Ну, а потом муж спустился вниз, узнал, что Силантий Игоревич ранен... Потом приехала милиция. Потом стало тихо. У нас, кстати, всегда тихо. А потом я заснуть не могла – сердце. Знаете ли, трудно переживать такие события... Не спала я долго. Где-то в половине второго ночи встала, приняла капли и в окно посмотрела. Меня привлек шум мотора автомобиля. Смотрю – у входа в дом Фисунов остановилась машина. Светлая. Из нее вышел мужчина, который держал в руках... Знаете, когда-то газ привозили в баллонах, так вот, он держал похожий баллон, только более узкий. Ему открыла Марьяна, я видела, ведь вход в дом сразу с улицы...

– Марьяна! – заставил всех вздрогнуть очередной вопль болтливой попугая, далее последовала нецензурная брань.

– Говорят, надо платком накрывать птицу, – сказал Краснов. – Она думает, что наступила ночь и засыпает.

– Он же не в клетке, – возразила Калерия. – А подойти к нему я боюсь. Он только папу подпускал.

– Не обращайтесь внимания. – Натянул на лицо нечто вроде улыбки Ипсиланти, обращаясь к соседке, вытаращившей потрясенные глаза на птицу. – Что было дальше?

– Я, признаться, плохо подумала о Марьяне, – продолжила соседка. – Сами посудите: муж в больнице, а к ней мужчина приехал. А через полтора часа они оба вышли. Это было... в половине второго он приехал... да, вышли они в три с хвостиком. Вышли с двумя сумками. Сели в машину и уехали.

– Номер вы, конечно, не запомнили, – сказал Ипсиланти.

– Конечно. Поэтому я его записала.

Она достала из кармана вязаной кофты сложенный листок, протянула ему. Ипсиланти прочел, передал листок оперативнику, спросил соседку:

– Вышли они без... баллона?

– Без, – ответила она. – И очень торопились.

Вскоре оперативники нашли автоген, принесли в гостиную.

– Значит, мужчина привез автоген... – задумчиво произнес Ипсиланти. – Зачем это им сварка понадобилась?

– Может, наоборот? Может, вскрыть что-то хотели? – подал идею Краснов.

– Крыть! Крыть! – закричал Бакс. – Грохнули кабана! Резак! Сейф! Радик!

– Ну вот, а ты хотел усыпить птичку, – подковырнул Краснова Ипсиланти. – А он у нас главный свидетель. Калерия Силантьевна, где сейф вашего отца?

– Этого никто не знал, – разволновалась она, уже догадавшись, что здесь произошло. – Я даже не слышала такого слова – сейф. Не думаю, что папа доверился Марьяне и показал сейф, он хотел выгнать эту ленивую корову...

– Марьяна корова! – закричал неугомонный Бакс. – Сука Марьяна!

– Ребята, рассредоточьтесь по комнатам, – попросил Ипсиланти оперативников. Только теперь, после упоминания о сейфе, он заинтересовался обстановкой в доме Фисуна и разглядывал обставленную безвкусно, но безумно дорого гостиную. – Всем искать сейф. Обследуйте стены, за мебелью посмотрите. Спасибо, вы свободны, – сказал следователь соседке, хотя ей так хотелось побыть в доме и узнать из первых уст, что да как.

Прошло еще некоторое время. Краснов задал несколько второстепенной важности вопросов дочери и сыну Фисуна, скорее, от нечего делать, и вдруг его привлекли небольшие темные пятна на светлых обоях, будто стену забрызгали грязью. Краснов приблизился к стене, рассматривая пятна. А ведь это не грязь... Он подозревал Ипсиланти, а когда тот подошел, указал на стену:

– Георг, по-моему, это следы от искр. Как думаешь?

Ипсиланти не ответил, а заглянул под картину снизу, затем взялся за раму и снял полотно. Очень примитивно: сейф закрыть картиной. Но сейф есть, и он оказался вскрытым.

– Я так и знала! – переполнилась гневом Калерия. – Мерзавка! Сбежала с деньгами! Она его убила, она! Не сама, конечно, подговорила такого же негодяя, как сама.

6

– Люд, это ты? – слышался из дальней комнаты голос Тимки.

– А кто еще? Сейчас будем ужинать, – откликнулась она и повернулась к самому крупному грабителю. – Пожалуйста, не при нем. Я все отдам, что у меня есть. Вы заберете и тихонько уйдете, хорошо? У меня ребенок...

– Заглохни, – вяло и очень страшно сказал он. – Зови пацана.

– За... зачем? – Люда отступила в угол, не понимая, что же им нужно. – Пожалуйста, не надо его пугать, он без вас напуган. Я же сказала: отдам все...

– Зови! – процедил мужчина.

– Люд, кто к нам пришел? – крикнул из комнаты Тимка.

– Конь в пальто, – хмыкнул худосочный и прыщавый парень.

Люда все не оставляла надежды уговорить грабителей забрать ее богатства не при мальчике, но не успела вновь заговорить, как в прихожую вбежал Тимка. Трое мужчин странно замерли.

– Тима, иди к себе в комнату, – нарушила напряженную тишину она.

– Иди к ней, – приказал мальчику здоровяк, наверное, главарь.

Приветливое выражение с мордашки Тимки смыло, как волной, он метнулся к Людмиле, которая тут же обняла его:

– Не бойся. Это мои знакомые.

– Фафик, за дело! – кивнул на Люду и Тимку старший.

Третий, со странной кличкой Фафик, выступил на середину квадратной прихожей и... Люда перенесла шок: он вынул из-за пояса пистолет, приставил к нему какую-то штуковину и стал навинчивать ее на ствол...

– Господи! – взвизгнула она. – Что вы хотите?

С невероятной скоростью Людмила вдруг оценила ситуацию: Фафик ухмыляется, главарю скучно, а прыщавый скелет получает кайф, наблюдая за происходящим. Ей стало понятно, что просить этих троих о чем бы то ни было глупо, они – другая порода, выведенная временем и такими же мерзавцами, для которых не существует моральных установок. Она подумала, глядя, как дуло пистолета опускается сверху на нее, что мало жила на свете, что хочет жить, что это невозможно – умереть сейчас, сию минуту. Почему-то пистолет опускался медленно, будто тот, кто должен стрелять, не совсем уверен – стрелять в них с Тимкой или пощадить их. И еще одна мысль не покидала ее: почему, за что, кто? Но она не решалась ни о чем спросить трех отморожков. Она только ждала, глядя на дуло расширенными глазами.

Вдруг Фафик неестественно взмахнул руками и рухнул к ногам Люды с Тимкой. Следующим рухнул на пол главарь. Что произошло? Неизвестно откуда взявшийся четвертый, симпатичный блондин, наступал сейчас на прыщавого с выпрямленной рукой, которая заканчивалась... Люда прищурилась, чтобы лучше рассмотреть. И у него пистолет! Что же это происходит? Люда хотела закричать, но не было голоса, не было сил.

Прыщавый скелет отступал, пока его спина не вжалась в стену, а блондин уткнул дуло ему в лоб и так же спокойно, как недавно говорил главарь, произнес:

– Кто приказал?

– Что? А? Нет... – выдал набор слов скелет. Он больше не ловил кайф, ему было страшно, как только что было страшно Людмиле. – Ты кто? Кто ты такой?

– Конь в пальто, – повторил с презрением его же выражение Осокин. – Я спросил, кто вас сюда послал?

– Не... не... не...

– Не знаешь, – догадался Осокин. Естественно, это был он. Он вошел, как всегда в подобных обстоятельствах, неслышно. Дверь налетчики не заперли, обеспечивая себе скорый отход, который не случился. – Что ж вы такие храбрые, когда с детьми и девчонками дело имеете, а сейчас... Говори, кто послал? А то мозги вышибу!

– Не надо! – по-петушиному бойко закричал скелет, глядя на неподвижные тела товарищей. – Не надо. Калюжник. Витяня прислал. Замочить сказал надо вон их...

– Где найти Калюжника?

– В... в... в кабаке «Николь» он... бывает. – Парень облизнул предательски дрожавшие губы. – И еще в баре. Клуб... молодежный. «Карт-бланш». С хозяином встречается.

– Кто хозяин?

– Не знаю. Говорят, дурь толкает. Я один раз туда ходил с Калюжником, остался в зале, а Витяня ушел в дверь... за стойкой бара дверь есть... Все.

– Страшно? – спросил, невесело усмехаясь, Осокин. Скелет честно кивнул, мол, страшно. – И жить, вижу, хочешь. Значит, сам хочешь жить, а их пришел замочить?

Пух! Людмила не поняла, что это был за звук. Тихий, даже мирный «пух», а скелет брякнулся на пол, брякнулся громче, чем был «пух». На стене образовалось красное пятно. Десятой мыслью в голове Людмилы промелькнуло: откуда там пятно?

– Собирайтесь, – повернувшись к ней, приказал – не сказал – Осокин.

Люда вдруг увидела, что сидит в углу, крепко сжимая Тимку, который спрятал голову у нее на груди. Глупый страусенок. Неужели думает, что, если он сунет Людмиле голову за полу пальто, его не заметят? И почему-то Люда напрягала память, вспоминая, когда же они присели? Хотя разве это важно... Потом в поле ее зрения попал главарь налетчиков. Он лежал ничком, и у него была как-то странно вывернута кисть руки. А четвертый, неизвестно откуда взявшийся блондин, обыскивал его, грубо переворачивая и что-то перекладывая в свои карманы. Люда обвела глазами двоих других налетчиков – они тоже лежали и не шевелились.

– Почему они лежат? – шепотом спросила она.

– Отдыхают, – бросил Осокин, переходя к следующему труп.

– Отдыхают... – повторила Людмила, еще не соображая, что же здесь, в ее квартире, произошло. – А зачем они тут отдыхают? Пошли бы в другое место отдыхать...

Осокин повернул к ней голову и понял. После пережитого у нее вообще перестало работать серое вещество. Не смертельно, пройдет.

– Поднимайся, – сказал он, протянув ей руку. – Собери пацана, только живо.

– Куда? – вставая на ноги, бормотала Люда. – Куда собираться? Куда вы нас отведете? Что вы хотите с нами сделать?

– Хотел бы, уже сделал бы. Очнись и собирайся, а то еще придет парочка таких, что лежат здесь, а я не успею зайти им с тыла.

Люда механически забрасывала свои и Тимкины вещи в сумку, не представляя, куда и зачем она пойдет, на сколько времени и что нужно взять с собой. Тимка проявил бóльшую расторопность: носился, как угорелый, но с серьезным видом, складывая необходимые, на его взгляд, предметы в школьный рюкзак. Люда вспомнила о бабушкином кольце, украдкой от неизвестного, которого тоже боялась, сунула его в кармашек юбки. Когда снова очутилась в прихожей, где три человека все так же и лежали, до нее вдруг дошло:

– Они больше никогда не встанут?

– Хочешь, чтобы встали? – изумился Осокин. – Если бы они встали, я бы не позавидовал тебе. Да и себе тоже. Пошли.

– Но... Они что, убиты? Господи! Они убиты в моей квартире! Черт! – Люда схватилась за голову. – Черт! Черт! Будут думать, что я их убила! Ты соображал, что делал? – И вдруг она его вспомнила: – Ты сегодня утром был в магазине. Да, да, это был ты... Я никуда не пойду.

Тима, иди к себе. Надо что-то сделать с этими... куда-то их деть... Мы никуда не пойдем. Надо вызвать милицию...

Осокину пришлось встряхнуть ее за плечи, чтобы привести в чувство и чтобы до нее дошло каждое его слово:

– Слушай внимательно. Если бы меня не было поблизости с пушкой, если бы я не умел с ней обращаться, ты и твой пацан сейчас лежали бы вместо них. И нашли бы вас нескоро. Успокоилась? Пошли, только тихо.

– Я не понимаю. – Из глаз Людмилы брызнули слезы. – Они пришли нас убить? Меня и Тимочку?

– Ну ты и жираф... – протянул Осокин. – Идем.

– Люд, пойдем? – сказал Тимка, взяв ее за руку.

– Куда? – всхлипнула она. – Куда нам идти из своего дома?

– Туда, где вас не найдут, – буркнул Осокин, взял сумку и вышел первым.

* * *

– Георг, – толкнул Ипсиланти в бок Краснов, когда они вышли из дома Фисуна. – Сейф-то я обнаружил. Прошу учесть при расчете, на одну бутылку ты получишь меньше. Но это в том случае, если одержишь победу, в чем лично я сильно сомневаюсь.

– А ты вымогатель... – сказал Ипсиланти, с наслаждением затягиваясь сигаретой. – С твоей стороны было очень неосторожно заключать со мной пари. Не сомневайся, я постараюсь выиграть у тебя оставшиеся бутылки.

– Смотри, – указал Краснов на подъезд соседнего дома. – Несутся, как на пожар.

Из подъезда выбежала девушка. Ступив на дорогу, она поскользнулась, упала на пятую точку. Ей помогли подняться молодой человек с сумкой и мальчик, затем они, поддерживая девушку, поспешили вниз по улице.

– Перебрали, – констатировал Краснов. – Может, заедем ко мне? Жена готовит ужин... Полный улет – мясо под каким-то экзотическим соусом.

– Поехали, – согласился Ипсиланти, садясь за руль. Несколько секунд спустя он осторожно тронулся с места. – А погодка дрянь. Доехать бы до ужина.

– Ну и что ты думаешь по поводу сына и дочери Фисуна?

– Хм! – хмыкнул Ипсиланти. – Им не важно, кто завалил папу. Жаба давит обоих из-за денег, они и вешают на жену убийство отца. Судя по деткам, Марьяна правильно поступила, выпотрошив сейф. Эти делиться не стали бы, выпроводили бы ее, в чем мама родила, а она потом судилась бы с ними до конца своих дней.

– Интересно, сколько бабок там она нашла?

– Судя по реакции Калерии и ее брата, папаша Фисун держал дома много денег, наверняка весь черный нал, который не успел отмыть.

– А не кажется ли тебе, Георг, что убийство Фисуна очень похоже на остальные заказные убийства в городе? В нашем районе за последние полгода их было два, это третье.

– Не кажется, – самоуверенно заявил Ипсиланти, включил магнитофон и застонал в экстазе, когда салон наполнили звуки бузуки. – Родина поет.

Разумеется, это была шутка. Ипсиланти полугрек, правда, Грецию в глаза не видел, греческого языка не знает. Но слушать он предпочитает греческую музыку, таким образом общаясь к далеким предкам.

– Я бы на твоём месте воздержался от категоричных заявлений, – вернулся к теме Краснов. – Меня последний выстрел надоумил припомнить предыдущие два убийства.

– И что же в этом выстреле сверхъестественного?

– Начнем с элементарного: было темно, когда киллер стрелял в Фисуна, значит, четко цель он не видел. Если видел четко, то только через «блик», бинокль ночного видения, но это роли не играет. Второе: из пистолета, найденного на крыше, стреляли два раза: один раз – в Фисуна, второй раз – в неизвестного паренька. То есть наоборот. И гильзы нашлись в количестве двух штук. Вот послушай: он стрелял не два, не три раза, чтобы попасть в Фисуна. А стрелял всего один раз. Из пистолета! Согласись, надо быть мастером. Расстояние между стрелком и мишенью достаточно большое, а он стрелял из обычного пистолета с глушителем.

– Ты забыл, в кого он стрелял. В полтора центнера живого веса. Фисуна, друг мой, видно за два километра. Но в твоих словах доля истины есть, я обдумаю ее после ужина. Понимаешь, Валера, обычно стреляют в деньги, в очень большие деньги, отнятые у конкретных людей, отсюда и будем плясать. Сейчас на первом месте – установить контакты Фисуна, выяснить, какие и с кем у него были трения, после вычислять заказчика и работать. А киллер – так, исполнитель. Хоть и первоклассный стрелок, его самого могут завалить те же заказчики. Само собой, будем выяснять, где находится Марьяна. Калерия ведь грозила заявлением накатать, так что нам все равно придется «реагировать». Ко всему прочему, жена Фисуна наверняка что-нибудь знает про грязные делишки мужа. Объявим розыск. У нас есть номер машины, на которой уехала Марьяна, стало быть, ее водителя мы найдем и расколем. Фотографии Марьяны есть, размножим... Подожди минуточку, куплю вина для дамы.

Ипсиланти припарковался у магазина, рванул к входу, сразу поскользнулся, но, к счастью, удержался на ногах.

– Ну и погодка, – вздохнул Краснов.

* * *

Рано утром Вий остановил видавший виды, побитый, будто его колотили железными булавами, джип на пустыре. В рассветной дымке уже можно было различить очертания недостроенного комплекса неизвестного назначения – наследие Советов, но машины клиентов не наблюдалось. Осокин дремал, Вий заглушил мотор и достал гигантские, как он сам, бутерброды.

– Будешь? – предложил Осокину.

– Не хочу, – не открывая глаз, определив по запаху, что предлагает Вий, отказался Осокин. Вскоре смачное чавканье заполнило авто. – Вий, что за кабак «Николь»?

– Ууу! Это не кабак, это заведение для элиты.

– Иди ты! – открыл один глаз Осокин и покосился на друга. – А у нас и элита есть?

– А то! Вся шушера с капиталами обитает там и называет себя элитой. Хозяйку зовут Ада. Скажу тебе, покруче любого мужика, лично я с ней дел иметь не хотел бы. Представь: натура у нее подзаборной боски, внешность мадамы из известного заведения, лет ей... сто! Говорят, каждый год делает пластические операции. Обвешана драгоценностями, те своим сверканием сглаживают впечатление от нее, ну, и еще тряпки слегка украшают, а вообще... уй! – передернул он плечами, будто речь шла о гадюке. – В «Николь» кантуются короли города с пиковыми дамами. Я в «Николь» не бывал, но мне рассказывали, что там... рыбки в аквариумах, сервис отменный, официанты только мальчишки в униформе, на которую год пахать надо такому скромному предпринимателю, как я. Помимо основного зала, два банкетных, есть и кабинки для особ, желающих уединиться.

– Притон, – вывел Осокин.

– Элитный, – согласился Вий, внося небольшую поправку.

– А клуб «Карт-бланш»? Это что и кто его владелец?

– Это уже забегаловка для низшей масти. Нет, хуже – отстойник. Местечко для наркоманов, шлюх, сутенеров и прочих паразитов. Причем не найдешь ни одного мента в радиусе

километра. А меня эти мародеры трясут, хотя ни разу с наркотой не поймали. Гады! Заведует клубом мой конкурент. Перехватил у меня инициативу в наглянку, представляешь? И даже банку пива не поставил. Имеет банду отморожков, так что не советую к нему нос совать.

– Учту. Может, ты и Богомола знаешь?

– М-м-м... – задумался Вий, медленно дожевывая бутерброд. – Кличка на слуху, а где слышал... не помню.

– Вспомни на досуге. Едут, Вий. Готовься.

Новехонькая «Вольво» цвета электрик красиво и пружинисто стала напротив джипа-инвалида Вия, не доезжая метров тридцать. И это, несмотря на гололед! Вий и Осокин вышли, направились к «Вольво» размеренным, неторопливым шагом, присматриваясь к тонированным стеклам. Осокин вынул из внутреннего кармана «лимонку», снял чеку, крепко зажал гранату в кулаке и скрестил на груди руки. Вий запаниковал, заметив его приготовления:

– Ты больной? Зачем?

– Для страховки, – напряженно ответил Осокин. – Я ж говорил: не нравятся мне твои клиенты. Слушай меня: ближе десяти метров не подходим.

Дверцы «Вольво» распахнулись одновременно, но из машины вылез только один пижон – в черном костюме, с аккуратно зачесанными волосами. Осокин усмехнулся:

– Шестерка. Будь начеку, Вий. Постарайся забрать бабки.

Поскольку Вий и Осокин остановились, не доходя метров десять, «шестерка» вынужден был подойти к ним:

– Привезли?

– А бабки? – последовал встречный вопрос от Вия.

«Шестерка» вернулся к «Вольво», пошептался там с кем-то. Через минуту Вий пролистнул веером пачку баксов, вынул из середины купюру, посмотрел на свет, пощупал, покивал. Все в порядке. Вий кинул «шестерке» сумку, тот поймал ее.

– Там два «кольта», – сказал он. – Проверять будете?

– Так и знал, стволы получить даром хотят, – шепотом произнес Осокин, глядя, как из «Вольво» выпрыгивают еще два человека, да не просто так, а с автоматами наперевес. Одновременно «шестерка» отскочил в сторону, потом, пройдя сторонкой, присоединился к компании своих. Осокин спросил абсолютно ровным голосом: – Что надо? У нас претензий нет.

– У нас есть, – хмыкнул один из тех, что стояли напротив.

– Одноглазый идет к нам с бабками, а ты, пацан, – приказал второй Осокину, – стой на месте.

– Мужики, вам не подходят наши стволы? – еще пытался решить проблему мирным путем Вий. – Так меняемся назад и едем своей дорогой.

– Ша, балабол! – выкрикнул первый. – Будешь делать, что я скажу. Ну-ка, быстро! Одноглазый топает к нам, а ты, козел, ни шороха! Руки!

– Влипли, – вздохнул Вий, поднимая руки вверх. – Нам каюк.

– Не понял... – как бы с обидой протянул Осокин. – Че вам надо-то?

– Шлепните его, чтобы навеки заглох! – приказал первый.

– Эй, мужики, мы отдадим... – выкрикнул Вий.

– Держи! – спокойно сказал Осокин и кинул «шестерке»...

Не разобрав, что летит, один из парней поймал «лимонку», проявив завидную ловкость. Отвлеклись и остальные, а Вий с Осокиным сделали рывок назад (всего-то из трех шагов), и, оттолкнувшись от земли, оба парили над ней пару секунд, затем больно грохнулись. В ту же минуту раздался один взрыв – взорвалась граната, потом второй – взорвалась «Вольво».

Осокин приподнялся и посмотрел назад. Все, кто раньше стоял, лежали, машина горела оранжево-красным пламенем, от нее поднимался вверх черный дым.

– Что за народ! – возмущался Вий, поднимаясь. – Все норовят обдурить, никому нельзя доверять. Слушай, как жить, а?

– «Вольво» жалко, – сокрушенно покачал головой Осокин. – Ну все, поехали отсюда.

Вернувшись домой, Осокин встретил взгляд двух пар перепуганных глаз. Но у него не было сил ни на утешения, ни на разговоры. Он еще вчера предупредил Люду и Тимку:

– Ваша территория внизу, моя наверху. Границу не переступать.

Он поднялся наверх и рухнул на кровать.

7

– Георг Маркович, машина, на которой сбежала жена Фисуна, обнаружена, – доложили Ипсиланти по телефону.

– А владельца нашли?

– Владельца? Приезжайте на него взглянуть.

Дорога была невысказанно скользкая, и прогноз синоптики дали неутешительный: гололед продержится несколько дней. С огромным трудом, на минимальной скорости, ибо машину вело зигзагами, Ипсиланти достиг места, где нашли нужную машину. И что же он увидел? В автомобиле «Лада» последней модели на кресле водителя сидел, запрокинув голову, молодой человек. Он был мертв. На груди его алело пятно. Замерзшая на морозе кровь – дверцы машины были открыты все время, что труп здесь находился, – осталась яркой, по цвету насыщенной, по этой причине она выглядела искусственной. А стреляли напрямую через лобовое стекло.

– Это и есть владелец машины? – спросил Ипсиланти милиционера, несколько разочаровавшись. Мертвый свидетель – бесполезный свидетель.

– Мы нашли права на имя Елецкого Радия. . .

– Он, – не дослушав, уверенно сказал Ипсиланти, скорее себе, а не милиционеру. – Радик. Радий. Молодец попугай, запомнил редкое имя. Что еще нашли при нем?

Вопрос был адресован эксперту, закончившему осмотр трупа. Эксперт передал прозрачный пакет, объяснив, что в нем волосы. Волосы длинные, на поверхностный взгляд принадлежат женщине, зацепились они за молнию на куртке.

– Сколько он здесь находится? – спросил Ипсиланти.

– Больше суток, – ответил эксперт.

– Та-ак. . . – поставил руки на бедра Ипсиланти.

Он отсчитал время, и. . . все сходилось. Елецкий вез Марьяну. . . куда? Ипсиланти прикинул, в какую сторону могла ехать машина. Получалось, что к аэропорту. Все правильно, Марьяна вскрыла сейф, стала обладательницей огромного состояния, которое следовало увезти подальше от деток дорогого мужа, пока они не хватились. Но Елецкий почему-то съехал с трассы на дорогу, ведущую в близлежащие села, через сто метров она разветвлялась еще на две. И тут не все гладко: автомобиль Елецкого проехал некоторое расстояние между этими дорогами, то есть фактически по целинной земле. Значит, ехал в никуда? Так не бывает. Почему он проехал между дорогами? Кто его застрелил? Выходит, перед тем, как навсегда покинуть город, Марьяна застрелила Радия, который доставил ей на дом автоген и наверняка помог вскрыть сейф. Что же произошло между ними? На эти вопросы может ответить Марьяна, а она уже, скорей всего, приземлилась в каком-нибудь мегаполисе, где проще простого затеряться, изменить внешность, купить новый паспорт. . .

– Да? – поднес к уху телефон Ипсиланти, недовольный тем, что звонок прервал ход его мыслей.

Звонил Краснов.

– Георг, приезжай к дому Фисуна, – сказал он коротко.

– Зачем?

– Ты приезжай, здесь такое. . .

Ипсиланти положил сотовый в карман, попросил эксперта привезти ему результаты экспертизы и сел за руль. Кое-как добрался до города, где все же ездить легче. А транспорт за городом, немного не доезжая до найденного авто Елецкого Радия, попросту встал.

* * *

Докурив до фильтра сигарету, Марьяна отбросила ее и забралась в машину, где в нос бил запах бензина, от которого у нее кружилась голова. А может, голова кружилась от голода? Иметь в прямом смысле кучу денег и не иметь возможности ничего купить на них – это козни покойного папы Фисуна. Вот застряли, так застряли! Такси с места нельзя сдвинуть, потому что из-за страшного гололеда таксист не гарантирует, где очутишься. Выбор, правда, невелик: кювет или кладбище. Короче, выбора нет. А пешком до города точно не дойдешь.

Сначала-то на шоссе еще появлялся транспорт, но, как назло, редко легковушки, все грузовики, всякие там КамАЗы. И легковые автомобили не останавливались, хоть Марьяна и махала всеми конечностями. Наступило утро, транспорт вообще перестал появляться, дорога превратилась в ледовый каток, в довершение поднялся ветер. Когда Марьяна курила, она придерживалась за машину, иначе, казалось, унесло бы. Таксист слушал радио и выяснил, что за городом большое скопление машин, были аварии из-за гололедицы, есть жертвы. Диктор дал совет переждать погодный катаклизм.

– Кто придумал строить аэропорты далеко от города? – ни к кому не обращаясь, проворчала Марьяна.

– У города строить опасно, самолеты падают, – включился в разговор таксист. Он много раз пытался разрядить обстановку и поговорить с пассажиркой, но та лишь дулась, будто он устроил гололед, будто ему нравится торчать здесь без еды рядом с ней, надутой гусыней.

А гусыня все бубнила себе под нос:

– Ну, Фисун, чтобы тебя черти в аду живьем жрали...

* * *

– А соседи ничего не слышали, – сообщил Краснов.

Ипсиланти медленно ходил между трупами, «любясь» ими со всех сторон, могло показаться, что Краснова он не слушает. А тот продолжал рассказывать:

– Они бы еще долго тут лежали, если бы не сосед по площадке. Мальчик, который в этой вот квартире живет... Тимофей, кажется... приходит из школы в час или в два. Дед из соседней квартиры часто просит его то статью прочесть из газеты, то нитку в иглолку вдеть, то за мелочевкой в магазин или аптеку сбегать. И вот нет мальчишки, и нет. Дедок подумал уж, что пропустил Тимофея, решил зайти. А тут дверь открыта. И в прихожей гора трупов. Нравятся мне прихожие в старых домах – хоть на велосипеде ездил. О чем это я? Ну, в общем, я тебя вызвал, думал, тебе интересно будет...

– Что, что тут интересного? – набычился Ипсиланти. – Только не надо мне гору трупов подкидывать, не надо. Мне Фисуна хватит. И второго, с крыши.

– Это же наш район, Георг, а у всех следователей дел вагон и маленькая тележка, один ты...

– И что я?! – не дал договорить Ипсиланти. – Я, выходит, бездельник? Ну, спасибо... Ну, удружил... Между прочим, я сюда приехал тоже от свежего трупа. И имя у того трупа Елецкий Радий. То есть так звали парня, когда он был живым. А по свидетельству попугая Бакса, в доме Фисуна был некий Радик. Номера на машине моего трупа совпадают с номерами машины, на которой уехала Марьяна. Так что вот это мой, законный труп, от него я не отрекаюсь, а...

– К чему твой ехидный тон и этот... попугай? Какая разница, Георг? Трупом больше, трупом меньше... то есть тремя трупами...

– Иди ты! – рассердился Ипсиланти. – Мой труп имеет отношение к убийству Фисуна, потому что именно Елецкий привез достопочтимой жене убиенного магната автоген, находился с ней в доме часа полтора, потом повез ее в аэропорт и оказался убит.

– А я думал, он на кладбище ее повез, – пытался попасть в тон Георга Краснов. – Он же видел, что она вытащила из сейфа.

– Тогда бы мы нашли ее, а не его.

– И как его?

– Пулей. Нет, Валера, вот эти трупы твои. Забирай, забирай, мне не жалко!

– А если серьезно, Георг, то действительно больше некому ими заниматься. Ладно, ладно, не бунтуй! Ну, куда ты денешься с подводной лодки? Сам посуди: это наш район, убийства совершены на одной улице, можно сказать, по соседству и в короткий промежуток... – Краснов подумал и вздохнул: – И убийств много. Эдак мы в Книгу рекордов попадем.

– Ну и что тут накопили до моего приезда? – зло процедил Ипсиланти, уже смирившись с участью подчиненного.

– Выстрелы сделаны ювелирно, – оживился Краснов. – Раз соседи не слышали, как стреляли, значит, пистолет был с глушителем...

– Валера, ты как первый раз замужем, честное слово. Кто же сейчас стреляет в людном месте без глушителя? Ювелира нашел, пф!

– Дослушай. Ни оружия, ни документов при трупах мы не нашли, но что-то подсказывает мне, что пришли сюда эти парни вооруженными. Спрашивается: зачем? И почему их убили? Посмотри внимательно: все выдает в них представителей криминальной прослойки. А вон тот доходяга, самый хилый, сзади тебя, снискал славу конченого отморозка, входит в организованную группу легендарного Богомола. Чувствуешь, кличка какая? Богомол! Это тебе не хухры-мухры, по последним данным, он авторитет в городе покруче прокурора. По слухам, его банда – самая крупная у нас. Богомол неуловимый, как выглядит, неизвестно, все его боятся. А доходяга попался в руки милиции за мелкое хулиганство, но легко отделялся... Не отделался на этот раз.

– Если все про всех знаешь, почему не пощелкаешь всех этих насекомых?

– Одних знаний мало. Может, Богомола вообще нет, а кто-то страху нагоняет на город. Ведь так не бывает, чтобы бандитская морда хотя бы раз не засветилась. Меня занимает, как этих крутых парней застрелил убийца? Неужели они стояли и ждали, когда он их положит? Убиты выстрелами в голову... но не одной же пулей! Это только в песне поется: «И одною пулей он убил обоих...» А у нас вообще трое. Значит, стрелял убийца молниеносно, не целясь. Нет, Георг, это был профессионал с твердой рукой.

– Кто живет в квартире? – без интереса спросил Ипсиланти.

– Некая Людмила Летова и мальчик одиннадцати лет. О ней мы получили самые положительные характеристики. Живет она здесь недавно, месяцев семь, ей двадцать восемь, работает на двух работах, в продуктовом супермаркете и в рекламной фирме. С преступниками она вряд ли связана, во всяком случае, соседи с ней мужчин не замечали. Тем более такого рода, – указал Краснов подбородком на трупы. – Мальчика Летова взяла на воспитание. Согласись, поступок заслуживает восхищения. Правда, тут она в чем-то обошла закон, но я не знаю, в чем, просто сосед с площадки проболтался.

– Ага, все-таки закон обошла... – вставил Ипсиланти с ухмылочкой.

– Не цепляйся к словам. Законы у нас тоже... не самые лучшие в мире. Ни Людмилы, ни мальчика нигде нет. Ребенок в школу не приходил, мы звонили туда. Летова на работе не появлялась. Оба как в воду канули.

– М-м-м... – исторг стон раненого зверя Ипсиланти.

– Не расстраивайся, дело Фисуна все равно дохлое, а...

– А это живое? – съязвил Ипсиланти. – Плюс три трупа! В квартире чистой, непорочной девы!

– Дело пахнет преступной группировкой. Его реальней раскрыть, чем дело Фисуна. Ну, сам посуди: на боевик похоже! Три трупа! Тебе разве не хочется поучаствовать в боевике?

– Не хочется.

– А придется. Все, вопрос исчерпан, я тебе уже как начальник говорю.

– Чтобы ты пропал со своими трупами! Где дед, который их обнаружил?

* * *

Осокин проспал до вечера. Проснувшись, вспомнил все события последних дней и дал им оценку: плохо. В анализ углубляться не стал, потому что теперь все равно не исправишь положения, остается идти дальше, уповая на везение. А везение состоит в том, чтобы известные события не повлекли за собой длинный хвост из мести. Однако, если бы можно было крутануть время назад, он поступил бы так же. Существуют вещи, на которые нельзя закрывать глаза, проходя мимо.

Натянув спортивные брюки, Осокин спустился вниз и застыл на лестнице, наблюдая непривычную картину. Люда сидела с ногами на диване, обхватив колени руками, и тупо смотрела в телевизор, работавший без звука. Тимка расположился за невысоким столиком и что-то писал в тетради, стоя коленями на полу. Осокин прошел в ванную, принял душ, вернулся в комнату и, когда поднимался к себе, услышал вялый голос Люды:

– Я приготовила поесть. Будешь?

– Давай, – согласился он. Действительно, перекусить не помешает, а то ведь неизвестно, удастся поесть сегодня или нет. Как будут разворачиваться события и что они принесут?

Люда накрыла на крошечной кухне, поставила на стол тарелку супа, а на плите Осокин увидел сковородку с картошкой и мясом.

– Где взяла продукты? – вскинулся он.

– В магазин ходила...

– Слушай внимательно! – схватил ее за руку Осокин. – Не смейте оба отсюда выходить, поняла? Даже во двор. Даже подходить к окну не стоит!

– А чем я должна ребенка кормить? – выдернула она руку.

– Извини, я не подумал, – взялся за ложку Осокин. – Я все куплю. Напиши список.

Люда заглянула в комнату. Удостоверившись, что Тимка занят и не слышит их, плотно закрыла дверь, оперлась руками о стол и, наклонившись к Осокину, спросила:

– Слушай, ты кто?

– Я это я, – ответил он, не придавая значения ни вопросу, ни тону, ни ее полубезумному виду.

– Шутишь? Что происходит, можешь объяснить?

– Не могу. Потому что не знаю.

– Откуда взялись те... вчерашние? Откуда взялся ты?

– На первый вопрос отвечаю: не знаю. На второй: я, можно сказать, с неба свалился. Тебе повезло, что это я свалился, а не кто другой. И прошу крепко запомнить: повезло тебе, а не мне.

Кошачьи глаза выстреливали молниями в секунду по пять штук, но оставляли Осокина равнодушным, хотя в какой-то степени он Людмилу понимал. Жить со вчерашними событиями нелегко, но он ничем ей помочь не мог. Осокин принялся с аппетитом уплетать суп, затем второе. На кухню приплелся Тимка, долго устраивался на табуретке, исподволь изучая Осокина, потом попросил поесть.

– Тебя как зовут? – спросил он.

– Дар, – ответил Осокин.

– Это кличка?

– Нет, имя. У моей мамы долго не было детей, а она очень хотела сына. И вдруг появился я, вот она и назвала меня Даром. Я был для нее подарком, понимаешь?

Мальчик покивал и вдруг заулыбался:

– А здорово ты их вчера...

Людмила ушла в комнату – воспоминания о вчерашнем вечере приводили ее в ужас. Осокин, когда она закрыла дверь, наклонился к мальчику:

– Ты парень смысленый, думаю, тебе можно доверять. Давай договоримся: ты ничего не видел и ничего не слышал. Так что было вчера?

– Мы переехали к тебе, – ответил Тимка.

– Молоток, – хлопнул его по плечу Осокин. – А я думал, Люда – твоя мама.

– Ты что! У меня нет мамы.

Осокин посчитал нетактичностью расспрашивать мальчишку про маму, а заодно и про папу, но не смог не удовлетворить любопытства насчет Людмилы:

– А кто тебе Люда? Сестра?

– Нет. Она просто Люда.

Ну да. Просто Люда. Все стало понятно. Осокин хмыкнул и встал.

– Ладно, мне пора.

Осокин попросил Людмилу закрыть дверь изнутри и вышел на улицу. До проезжей дороги идти не столь уж далеко, но из-за гололедицы путь растянулся. Пришлось долго ждать транспорт, в этом районе он редко появляется. Собственно, Осокин на такие мелочи, как ожидание, не тратил внутренние ресурсы, а всегда спокойно ждал. Это неплохое время для обдумывания. И на первом месте в его раздумьях стояли Тимка и Люда. Да, вчера он спас их, а завтра? Удастся ли сохранить им жизнь – вот вопрос, которым теперь ему предстояло заняться.

Приехал он в бар «Карт-бланш». Солидная вывеска, неоновая реклама, музыка слышна на улице. Осокин заплатил за вход, подумал, что надо будет посоветовать и Вию брать плату лишь за то, чтобы войти в клуб. Танцзал забит до отказа, и Осокин по внешним признакам понял, что дела у конкурента Вия идут куда лучше. Нашел свободное место, неизвестно откуда взялся официант, Дар заказал пиво, хотя пить не собирался. Он наблюдал, примечал людей. Хотя, что это даст?

Вий спустился в заветные чертоги. Начало второго ночи, каких-то сорок минут назад выпроводили из бара последних юных обормотов, не желавших отправляться к папочке с мамочкой. Уборщики отмахали швабрами, как на субботнике, – быстро и усердно, потому что лучше иметь свободное утро, чем тащиться сюда и потерять полдня. Когда они побросали швабры, тряпки и ведра, Вий запер двери. Но сигнализацию не подключил – он собирался выйти тем же путем, но чуть позже. Вий любит это время, потому что чувствует себя в пустом клубе свободным. Он подсчитал выручку в бункере, сложил ее в тайник и вдруг услышал странную возню наверху. Вий подумал, что кто-то из obsługi вернулся, нехотя взял связку ключей и вышел из бункера, ступил на лестницу...

Его остановил грохот, будто что-то упало, потом еще, еще... Слыша чужие голоса, он рванул назад в бункер, закрылся, выключил свет и перестал дышать. Грохот наверху, звон разбитого стекла, треск и скрежет слышались в течение получаса. Затем звуки приблизились, значит, погромщики спустились вниз. Вию показалось, его и похоронят под обломками. Через какое-то время все стихло, значит, погром завершен.

– Ну и где Циклоп? – услышал Вий отчетливо мужской голос.

– Опоздали, ушел... – с сожалением отозвался другой голос. – А я бы ему и второй глаз выдавил. А еще посмотрел бы, какая у него трубуха. Ха-ха.

– Закрой оральник! – бросил первый.

Раздался звук упавшей жестяной банки, когда ее футболят ногой, при этом она ударяется о стену.

– Не дал дососать пивко! – возмутился второй.

– Все, орлы, пошалили и будет. Уходим.

Топот. Еще грохот, видно, погромщики обнаружили что-то уцелевшее. Тишина. Вий выждал десять минут, но тишина была гробовая. Правда, и сам он находился чуть ли не в гробу. После еще одной десятиминутной паузы Вий позвонил Дару, говорил на всякий случай шепотом:

– Это я, Вий. Дар, ты где?

– Иду домой. Транспорт не ходит. Гололед.

– Ты не мог бы ко мне подрулить? У меня гости были. Только не через парадный вход иди, я тебя встречу с нашего. Позвони, когда придешь, лады?

– Иду, – коротко сказал Дар, поняв, что стряслось нечто неожиданное.

* * *

Осокину удалось поймать частника, который с горем пополам подвез его к клубу. Дар обогнул главный вход, который выглядел, как всегда. Второй вход непосвященному не найти при самом большом желании. Он вошел во двор, потом прошел к торцу клуба, где была дверь в котельную. Отсюда Дар позвонил Вию, через минуту тот вел его особым проходом в бункер. Пришли. На полках снизу доверху разложено оружие всех видов. Свободное место есть лишь у стены, где расположена дверь, ведущая еще в один подвал и из него – в котельную. Посередине стоит стол и три старых кресла на тонких ножках, которые были модны во времена бабушек. Есть тут еще шкафчик, где Вий хранит небольшое количество выпивки и различные мелочи.

Увидев при свете потрясенное лицо друга, Осокин спросил:

– Что случилось?

Вий отмолчался, взял автомат, затем кивнул, мол, пошли. Он надавил на рычаг, стена отъехала, после чего вышли в подвальное помещение для приема гостей. Свет горел, поэтому картина поразила Дара:

– Кто это тут так поработал?

Практически все было сломано. Даже старый холодильник валялся на полу с разбитой морозилкой. Вий расстроился, достал сигареты, но Дар опустил его руку:

– Не кури здесь. Наверняка фреон вышел, а я слышал, в сочетании с сигаретным дымом это смертельная смесь. Идем наверх.

Дар вынул пистолет и начал подниматься первым. Осторожничали они напрасно – погромщики ушли, оставив после себя руины. Абсолютно все было раскурочено, разбито, сломано. Кроме столиков, которые Вию сделали по спецзаказу – их не сломать ни одному вандалу, как их ни бросай. Даже Вий, слышавший, как громят его клуб, не ожидал такого грандиозного погрома. Он поставил на ножки антивандальный столик, присел на него:

– Это же... это же последние сволочи.

– Не мог по пуле им выдать? – упрекнул друга Дар.

– Как я мог? Не война же! Это было бы убийством. Мы и так с тобой утром...

– Утром мы защищались, – возразил Дар. – Не мы их, они бы нас, а это уже война. Слушай, Вий, а не ответ ли это на утренний разговор по душам?

– Сто пудов! – обиженно протянул тот. – Один обозвал меня Циклопом, сказал, что второй глаз хочет выдавить и посмотреть на мою требуху. Нет, что за люди? Какому-то мымыренку захотелось иметь два «кольта». У меня есть два «кольта», у тебя есть бабки, это честный обмен. Но беда в том, что платить за «кольты» мымыренку не хотелось, и он придумал меня замочить. Нет, как жить в таком бардаке?

– Теперь задача выжить, а как жить, будем думать после. Домой тебе нельзя. Собирайся, поедem ко мне, они не знают, что это я тебе помог утром.

По лестнице на территорию Осокина друзья поднимались на цыпочках, но Люда услышала, включила настенное бра. Тимка спал рядом с ней.

– Это еще кто? – вытаращилась она.

– Такой же, как ты, – шепотом сказал ей Дар. – Его тоже хотят убить. Чего смотришь? Спи. Идем, Вий.

8

Ипсиланти разминал ложечкой мороженое в кафе, поглядывая то на улицу, которая была видна через стеклянную стену, то на часы. Он был очень недоволен, так как не любил ждать, а ждал уже лишних минут двадцать. Ипсиланти заметил его вдали улицы, отметил про себя, что Мятажный идет на встречу неохотно. Мятажный – фамилия, а имя Олег, этого человека и ждал Ипсиланти. Мятажному тридцать, но с первого взгляда ему запросто можно накинуть десяток лет. Землистый цвет лица, мешки под глазами, тусклый взор усталых глаз и ранняя седина – достаточный набор, чтобы определить: человеку живется несладко. Он вошел в кафе, поискал Ипсиланти беспокойным взглядом. Подошел и с опаской опустился на свободный стул, будто ноги его уже не держали. Ни слова не говоря, даже не поприветствовав Олега, Ипсиланти встал, купил две порции мороженого, одну вазочку поставил перед Мятажным, вторую – перед собой. Олег не притронулся к мороженому, выжидающе смотрел на Ипсиланти.

– Угощайся, – сказал после паузы Георг. – Очень вкусно.

– Георг Маркович, зачем вы меня позвали? – напряженно спросил Мятажный. Только по голосу можно определить, что он еще молодой человек.

– Понадобилась твоя помощь.

– Представляю, какая, – понуро пробросил Мятажный. – Вы обещали...

– Обещанного три года ждут, а у нас с тобой три года не прошли, – пошутил Ипсиланти.

Но шутка была неудачная, посему не произвела ожидаемого эффекта.

Мятажный нахмурился, опустил глаза, очевидно, опасаясь, что в его взгляде пронизывающий Ипсиланти прочтет много ненужного. Георг это прекрасно понял. В сущности, ему чихать, какое сложилось мнение о нем у Олега. Он придумал план, определил роль Мятажного, а нравится она тому или не нравится, Ипсиланти не волнует. Но пока он сторонник мирного диалога и взаимопонимания, правда, взаимопонимание Мятажному надо насадить. Или внушить. А если понадобится – и вдолбить.

– Прости, Олег, но мне действительно нужна твоя помощь. Хочу напомнить: благодаря мне ты гуляешь на свободе. А что может быть лучше свободы?

– Это верно, – согласился Мятажный, но в тоне его отчетливо слышался протест. – Только у меня ее нет. Я все время жду подвоха. С вашей стороны.

– Значит, ты правильно понимаешь ситуацию, я не ошибся в тебе.

Иезуитская похвала следователя окончательно придавила Мятажного. Он сторбился, понимая, что власть этого человека над ним огромна, а сам Олег никто, дешевая пешка. Казалось, он вот-вот разрыдается. Но Мятажный проявил выдержку.

Полтора года назад Олег Мятажный здорово влип. В то время по городу прокатилась волна безмотивных избиений. Сначала думали, это дело грабителей, но все избитые и забитые до смерти не были ограблены, значит, суть в чем-то другом. Поскольку те, кто остался в живых, клялись, будто понятия не имеют, с какой целью на них совершены нападения, появилась следующая версия – отморозки развлекаются. Один Ипсиланти заподозрил, что в избиениях существует закономерность и есть причина, по которой избивали именно этих людей. Проштудировав биографии потерпевших, Георг заметил еще одну особенность: пострадавших нельзя назвать добропорядочными гражданами. Репутация их была подмочена различными нарушениями, то есть пострадавшие не раз имели далеко не сахарные отношения с милицией и прокуратурой. Так возникла банальная версия – месть. Но кто кому мстил? То ли группировки делят участки, то ли потерпевшие прощтрафились и их учили дубинами.

То, что в городе орудует несколько преступных группировок, все прекрасно знали. Но вот что поражало не одного Ипсиланти: когда кто-нибудь из группировок попадался, признаний добиться от него не удавалось. Вообще-то эта среда гнилая, каждый дорожит лишь соб-

ственной шкурой, и все-таки собратьев не сдавали! Не называли ни главарей, ни к какой группировке принадлежали, ни сколько человек участвовало в разбое, а то и в убийстве... На все вопросы – партизанское молчание. Не помогали ни запугивание, ни шантаж, ни другие, отнюдь не мягкие методы. Стало очевидным, что нарушители чего-то боятся больше, чем тюрьмы. Напрашивался вывод: дача показаний означала смертный приговор себе же, в тюрьме хоть жизнь в сохранности останется и есть перспектива выйти на свободу.

Ипсиланти пришла идея пойти другим путем: раз боятся официальных показаний, то, может быть, в неофициальной обстановке преступники и нарушители станут сговорчивее? Важно подцепить хотя бы одного и обстановочку создать доверительную. Только как и где найти человека, способного оценить доверие? И вообще, кто пойдет на сговор? И вдруг такая кандидатура возникла буквально из воздуха.

Однажды на квартиру очередной жертвы был совершен налет, хозяина избили до полу-смерти, но он остался жив. Ипсиланти прибыл на место происшествия, когда там вовсю работала милиция, а хозяина увезли в больницу. К сожалению, среди работников органов полно халатных, невнимательных, попросту ленивых. Никто не заметил, что между подлокотником дивана и подушкой застрял некий плоский предмет черного цвета. Ипсиланти не поднял шумиху, мол, это я нашел, это моя заслуга. Он решил сначала сам изучить находку, потом подумать, какую пользу можно из нее извлечь, занести ее в дело или... спрятать до лучших времен. Двумя пальцами он взял дешевый бумажник из кожаного кошелька, раскрыл, а там, помимо денег, лежали водительские права на имя Мятёжного Олега. Найдку Ипсиланти спрятал до лучших времен.

Георг пас его долго, ведь важно было остаться наедине с Мятёжным, а никак не получалось. Однажды Ипсиланти вошел за ним в подъезд дома, где проживал Мятёжный, поднялся на этаж, а когда Олег открыл дверь, втолкнул его в квартиру и вошел сам. Представившись Мятёжному, он отдал ему бумажник вместе с деньгами и ксерокопию водительских прав. Потом, наблюдая за нечеловеческим ужасом, окотившим бездарно провалившегося молодого человека – у того от страха ноги подкосились, и он рухнул на стул, – Георг готов был спеть хвалебную песнь в свою честь, потому что понял: нашел! Мятёжный, без сомнения, обладал не мятежной душой, такого легко запугать, а после – веревки из него вить. Ипсиланти не торопился, дал своей жертве прочувствовать страх от дна до крыши, потом, чтобы ускорить процесс капитуляции, подкрепил страх мрачными картинами будущего, которое ожидало Олега. Раздав его одними словами, следовательно сделал Мятёжному деловое предложение: он сдает участников избиений, планы группировки, численность, короче, становится осведомителем. Плата за статус Иуды – свобода. Тот клялся, что к верхушкам его не подпускают, что участвовал в расправе впервые, что оступися и больше такое не повторится.

– Почему я тебе должен верить? – повел плечами Ипсиланти. – Все говорят, будто впервые пошли на дело. Но ведь пошли!

Олег сломался, сдал участников. Только дальше дело не сдвинулось. Из десяти человек намеренно взяли троих, чтобы подозрение в предательстве, если оно возникнет, распределилось поровну на оставшихся, включая Мятёжного. Разумеется, так просто преступников не возьмешь, не посадишь, нужны улики. Улики тоже добыл Мятёжный. Например: притащил пачку сигарет с отпечатками пальцев. Ее подбросил Ипсиланти на очередном происшествии, приобщил к делу, остальное было делом техники ареста. Действия Ипсиланти деморализовали Мятёжного, тем не менее он позволил себе высказаться, что так поступать подло, грязно.

– Какой чистюля выискался... – хмыкнул Георг. – Вы зверски забивали людей, два человека не выжили...

– Они такие же, как мы, – возразил Мятёжный. – Приняли условия, нарушили кодекс, получили наказание. Там все просто, не так, как у вас.

– Кодекс в нашем государстве один, а ваши бандитские договоры засунь себе в задницу и любуйся на них, глядя в зеркало. Кстати, когда вы попадаете на нары, то живо вспоминаете, что есть общие законы для всех. Запомни: вас, уродов, насильников и убийц, надо стрелять или хотя бы сажать и сажать. Для этого все средства хороши.

– Вы меня презираете... – проговорил Мятажный с болью. – Я и сам себя презираю. Но это же вы не даете мне завязать. Я оступился, попал случайно...

– Не надо было попадать, – поставил точку Ипсиланти.

Мятажный признал, что Георг прав, на этом короткий спор закончился. Но к истинным главарям так и не подобрались, значит, не пришло пока время им расставаться. Ипсиланти велел Мятажному оставаться в группировке, тот испугался:

– А если мне прикажут убить?

– Пока не приказали? – вопросом на вопрос ответил Ипсиланти. – Так чего зря воду толочь в ступе? Отрабатывай, парень, свою свободу. Учти, если покаешься перед своими, я тебя первого определю на нары, а там предателя ждет тяжелая участь...

Сейчас, в кафе, Ипсиланти вспомнил тот разговор, глядя на Олега Мятажного, своего осведомителя.

За стеклом пошел мелкий дождь, клонило в сон из-за пасмурности. Пауза затянулась, и тянул ее Ипсиланти, таким образом выжимая нервы партнера, как тряпку. Олег не выдержал паузы и первым подал голос:

– Что вы хотите?

– Кто такой Богомол? – спросил Георг.

Мятажный смотрел прямо ему в глаза и молчал. Ипсиланти прочел в его взгляде сочувствие, что рассмешило, но смеяться он не стал. Ждал ответа на свой вопрос. Ответ последовал, но не такой, какого Георг ждал.

– Вам не подобраться к нему.

– Да что ты? А все же познакомиться не мешает. Ты видел его?

– Ни разу. Вам знакомство с ним будет стоить жизни.

– Посмотрим. Ты в его группировкуходишь?

– В его. Но Богомол не показывается простым смертным.

– Выходит, он не простой? Ах да, он же Богомол. Первая половина клички напоминает о божественном. А по сути – насекомое. Но когда у нас берут таких божков в оборот, то в штаны они писают, как простые смертные, уж поверь. Ты столько времени у них, а не дослужился до чинов?

– Мне они не нужны, – не обращая внимания на ироничный тон Мятажный.

– Мне нужны. Я хочу знать как можно больше о Богомоле.

– Это невозможно.

– Повторяю: я хочу знать о Богомоле и его ближайшем окружении. Поэтому тебе придется поднапрячься и вскарабкаться по вашей бандитской лестнице, чего бы это ни стоило. Совсем было бы хорошо, если бы ты поскакал вверх, перешагивая через ступеньки, но... – вздохнул Ипсиланти, – у тебя, к сожалению, не хватит мозгов. Еще мне нужны сведения о трех парнях, которых нашли убитыми в квартире некой Людмилы Летовой. О ней тоже постарайся разузнать, входит ли она в вашу группу, зачем к ней пришли те парни и кто их убрал.

– Об этих парнях я ничего не слышал, – наконец взял деловой тон Мятажный, деваться-то ему все равно было некуда. – Мне известны другие события. Вчера рано утром убиты четыре наших человека, их взорвали на пустыре, что за северным районом.

– Да ну! А я ничего не знаю. Почему они оказались на пустыре?

– Это мне неизвестно. У нас каждая бригада выполняет свои поручения.

– Клан, бригада... – брезгливо поморщился Ипсиланти. – Скоро каждая шваль типа вашего Богомола царем всея Руси будет именовать себя. Вы преступная группировка, на худой конец банда, это будет вернее.

– Называйте, как хотите, – пожал плечами Мятажный. – Утром на пустыре взорвали наших ребят, а вечером нас откомандировали отбить потроха Вию...

– Вию? Это что за персоналия?

– Хозяин молодежного клуба. Когда нам приказали идти к нему, а у нас нечто вроде отряда быстрого реагирования, я понял, что этот Вий имеет отношение к взрыву на пустыре. Но Вия мы не застали, тогда разгромили клуб.

– А кто вам приказывал? – Видя, что Мятажный не решается сказать, Ипсиланти, словно не замечая этого, «разжевал» вопрос: – Ну, кто говорил, что вам делать? Кого вы слушаетесь безоговорочно?

– Калюжника.

– Фамилия или кличка?

– Фамилия. Но Калюжник, насколько мне известно, напрямую не выходит на Богомола. Он получает приказы от своего босса, которого я не знаю.

– Не пробовал подружиться с Калюжником?

– Не пробовал.

– А ты подружись, водки с ним выпей и... сам понимаешь.

– Я вам еще кое-что скажу, о чем ваша прокуратура не подозревает. Группировки – сплошная фикция. На самом деле в городе существует одна-единственная группировка.

Это действительно было новостью, поэтому Ипсиланти слушал внимательно, но не показывая Мятажному свою заинтересованность.

– Бригады организованы таким образом, – продолжал Мятажный, – чтобы в городе думали, будто это разные группировки. У бригад свои районы, свои дойные коровы, свои люди в милиции. Думаю, кстати, такие люди и в прокуратуре тоже есть, учтите. А главарь сообщества Богомол. Но где он живет, как выглядит, в бригадах не знают даже командиры. И это все разрослось под вашим носом. Поймите... – Он замялся, не решаясь сказать что-то важное для себя, но все же решился: – Я боюсь.

– Я тоже боюсь, – живо откликнулся следователь. И не поймешь, правду сказал Ипсиланти или это его очередной прикол. Впрочем, нет людей, которые не боялись бы смерти. – Только страхи наши немножко разные. Ты боишься и своих, и нас, я... не важно.

– Я ведь отработал свою ошибку, хочу уехать и навсегда забыть обо всех этих...

– Уедешь, – пообещал Ипсиланти. – Но не сейчас.

– До того времени я могу и не дожить.

– Понимаешь, я тоже много чего хочу, а не всегда получаю. Обещаю, это последняя твоя услуга, а потом... так и быть, катись к чертовой бабушке.

– Но вы ставите невыполнимую задачу...

– Ты справишься, – подбодрил его Ипсиланти.

Олег снова прочел в его тоне неискренность и презрение. Отношение к нему следователя угнетало, а что было делать? Он попрощался и ушел. Ипсиланти отодвинул от себя нетронутую порцию мороженого, задумался, затем позвонил Краснову:

– Привет, это я. Что там за взрыв был на пустыре?

– А... Да так, взорвалась машина, рядом с ней находились три человека, в машине сидел водитель. Причина взрыва – граната. Все.

– Почему я не знаю?

– Я не думал, что тебе будет интересен взрыв, это же не наш район...

– Ха! – Ипсиланти отключился от связи. – Вий... Ну и клички. Ладно, посмотрим сегодня, что там за Вий. На всякий случай помолюсь.

Надев кожаное пальто, он вышел на улицу, заскользил к автомобилю, ругая про себя службы города: никто не догадался посыпать дороги хотя бы песком. Чертово равнодушие! Сев в машину, он долго обдумывал информацию Мятежного. А информация интересная, особенно о предателях в органах. Перспектива впереди, кажется, масштабная, и действовать придется крайне осторожно. Если город в одних криминальных руках, то уничтожение крупной группировки при помощи мозгов Ипсиланти «грозит» вырасти в громкую славу. А где слава, там повышение. Возможно, предложение престижного места, а то и переезд в столицу, ведь хороших специалистов везде не хватает.

Георг – амбициозный человек. И это качество он считал достоинством, а не недостатком. Довольно того, что каждый хлюпик, не способный к решительным действиям, каждый трусишка, живущий по принципу: «А что обо мне люди подумают», каждый самоед, которого мучают по ночам кошмары из-за так называемых ошибочных поступков, по-совдеповски резко осуждают амбициозных людей. Потому-то и лишены они амбиций, что неудачники. Георг же полагал, что не иметь амбиций – ненормально, а неудачник – это действительно позорно, неудачники не заслуживают внимания и достойны презрения. Безусловно, у Георга не всегда жизнь бывала гладкой, существуют в ней трудности и подводные течения, но именно амбиции помогали ему ликвидировать их.

Зачастую он не слишком разборчив в средствах. Но цель, по его мнению, действительно все оправдывает. В конце концов Георг очищает общество от уродов, которых не перевоспитаешь, сколько ни сей среди них прекрасное, доброе, вечное. Идеи с перевоспитанием – для демагогов-политиков, которые рвутся к власти. Остается один путь: бросать преступников за решетку безжалостно и без разбора. Мятежный оступился? Нищета, бесперспективность и безысходность толкнули его, парня из интеллигентной семьи, в банду? Но почему-то далеко не всех толкают туда те же причины, значит, есть у некоторых что-то такое внутри, что тянет их именно к уголовникам.

А коллеги считают Ипсиланти человеком со странностями, одна из которых – нетерпимость. Для взрослого человека, особенно для следователя, нетерпимость – непозволительная роскошь, отсюда и место заняла она в разделе странностей. Вторая далекая от идеала черта – жесткость. Как полагают некоторые, эти две черты – «сестрички» фанатизма, но Ипсиланти далеко не фанат. Просто в каждом человеке, если копнуть, найдешь тот же фанатизм, ту же нетерпимость, но завуалированные. К тому же идеала не существует, значит, нечего к нему стремиться. У Георга есть работа, он ее выполняет и хочет добиться успеха. Разве его желания порочны и не заслуживают уважения?

Так Георг Ипсиланти думал о себе. А о деле думал следующее: значит, группировка в городе одна? Стало быть, надо познакомиться с Вием... А для начала узнать, в котором часу открывается его клуб.

9

Только сейчас, спустя двое суток, Люда осознала весь кошмар случившегося. А оттого, что она не могла дать объяснения смертельному поединку, происшедшему у нее дома, ее не только одолевал ужас, но и охватывала паника, перемешанная со страхом и поиском средств защиты. Она изучала Осокина, которого будто первый раз видела. В сторону Вия вообще не смотрела, от его вида ее бросало в дрожь. Как получилось, что она попала в компанию подозрительных людей? На всякий случай Люда решила зря не болтать, внимательно слушать, каждое свое слово обдумывать, короче, быть осторожной.

Утром на кухне состоялся совет. Тимку отправили на территорию Дара к компьютеру, чтобы мальчишка не услышал чего лишнего, сами же разместились на крохотном пяточке, дружно мешали чайными ложками в чашках с чаем, но не пили. Было что им троим обсуждать втайне, а именно – как быть дальше.

– Ноги надо делать и по-быстрому, – поступило разумное предложение от Вия. – Только мне надо игрушки забрать, я без них пропаду. Это и кусок хлеба, и деньги всегда за них получишь. Машина еще нужна, мой джип ублюдки добили.

– Кто тебя ждет в другом городе с твоими игрушками? – скептически заметил Осокин. – Думаешь, там нет таких умных? Да тебя сдадут, как только вытащишь первую. Вон у нас сколько проблем всего только из-за двух игрушек.

– О чем вы говорите? – недоумевала Люда, слушая их кодированный диалог. – Я ничего не понимаю. Кто вы такие?

– Женщина, молчи, мы обсуждаем серьезный вопрос, – мягко сказал Вий.

– А у меня не серьезный? – возмутилась Люда. – Мне-то что делать? В моем доме убиты три человека. Три! И они остались там. Наверное, их уже нашли. А меня нет. Я сбежала. Кто я после этого? Ага, молчите...

– Она права, – согласился Осокин. – С ней тоже надо что-то решать.

– Куда-нибудь их денем, – отмахнулся Вий.

– Нас приходили убить, – не слушая мужчин, бубнила Люда, пытаясь постигнуть непостижимое. – Что мы им сделали? За что нас убивать? Куда это вы нас надумали девать? – вдруг напряглась она.

– Не паникуй, – вяло бросил Дар. – Ты жива вместе с твоим Тимой до сих пор, и согласишься, это похоже на чудо.

– А ты откуда там взялся? – не унималась Люда.

– Я? – улыбнулся Осокин. – Мимо шел.

– Ну, мы и вляпались... – качал головой Вий. – Не, Дар, нам не жить, это вопрос, кажется, решенный. Я имею в виду тех, кто... уф!

– А я про что? – вздохнул Осокин. – Побег не поможет.

– Что ты предлагаешь? – заинтересовался Вий, так как почувствовал, что у друга есть решение стратегически важной задачи – остаться в живых.

– Ну, пока план такой, – сказал Осокин. – Вы сидите здесь до тех пор, пока вас не обнаружат.

– Нас могут найти и здесь? – похолодела Люда.

– Они, как я понял, все могут, – сказал Дар. – Но до этого дня далеко. Из нас четверых, считая и Тимофея, только я могу выходить отсюда, поскольку меня никто не видел рядом с вами. Постараюсь узнать, кому понадобилось пришить Тимофея с Людой. Заодно перетаскаю твои игрушки, Вий.

– А это возможно? – оживилась Люда. – Ты сможешь узнать? А что потом, когда ты узнаешь, кто нас... Что будем делать?

– Когда выясню, тогда и решать будем.

– Машина нужна, – повторил Вий. – Без нее нам труба. Как ты перевезешь игрушки? Винты как уложишь? Это же не маслята и не картошка, которым нужна только сумка. Любой водила, когда ты будешь таскать игрушки, заподозрит... и настучит. И потом, Дар, не будешь же ты по одной возить? Смешно, честное слово. И драпать на колесах быстрее, чем на двоих.

– Машина у меня есть, – сказал Осокин. – Но на запаску починим джип, вдруг и он пригодится. Все, мне пора.

– Дар, возьми ключи от квартиры. – Вий встал, порылся в карманах джинсов, но ключи нашел в нагрудном кармане куртки. – Забери бабки из глиняной вазы, стоит на шкафу.

– Я пошел, – хлопнул по плечу Вия Дар, а Людмиле подмигнул.

* * *

– Сколько это будет продолжаться? – ревела в голос Марьяна, нервы ее окончательно сдали. – Не могу я больше торчать здесь. Хочу в ванную... хочу кусок мяса...

– С кровью? – любопытствовал водитель.

– Отвали! – рявкнула Марьяна и разревелась с новой силой. – И еще хочу жареной картошки... пить хочу... чая с кофе... сока... Спина болит. Хочу спать в постели, а не в этой телеге. Я угорела. Ну, почему ни одна машина не едет?

– Продовольствие подвозят тем, кто недалеко от города застрял, – зевнув, сказал водитель. – А мы далеко, сюда не доезжают... Гляди! Машина!

Завывания Марьяны прекратились, она уставилась на дорогу, которая в глазах у нее – видно, от голода – расплывалась. Навстречу ехал микроавтобус. Нет, он полз, как ползет улитка. Думая, что это мираж, Марьяна крепко зажмурилась, потом вытаращила глаза. Автобус не исчез, он действительно полз к ним. И тогда Марьяна выскочила, побежала навстречу, размахивая руками и крича осипшим голосом:

– Э-эй! Я вот! Сюда!

Но моросивший дождик, смешанный с отшлифованным льдом, сделал дорогу гладкой, как стекло. Марьяна не удержалась на ногах, которые пытались опередить падающее тело, грохнулась на лед, еще и проехала пару метров, разодрав колготки и ладони. Тем не менее это ее не остановило: не переставая призывно кричать, она скользила, пытаясь подняться, однако ее грузное тело то и дело падало. Наконец автобус дополз, остановился, из него вышла женщина, одетая по-деревенски – в ватник, пуховый платок и валенки. Она пошла к несчастной, распростертой на ледяной трассе Марьяне, и было не понятно, почему женщина не падает. Странно цокая, она приблизилась к Марьяне, которая рассмотрела на валенках нелепые повязки, охватывающие ступни. Видимо, повязки держали железные приспособления против скольжения.

– Ах ты, бедненькая! – закудахтала тетка. – Держись за меня, поднимайся. И сколько ж дней ты тут?

– Не помню, – хныкала Марьяна, поднимаясь. – Я ужасно хочу есть. И пить. Заберите меня отсюда... пожалуйста. Умоляю вас, заберите...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.